

Цскорка

Зимние забавы.

Фотоочерк Г. Сафонова

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

В. Верховский, Г. Гонне

Перед встречей

Ещё не всё... Часы не бьют на Спасской
О том, что старый год ушёл в века.
А наша ёлка белоснежной сказкой
Уже стоит нарядна и легка.

Свои часы сверяя по курантам,
Повеселев от праздничных забот,
Нам Дед-Мороз последние команды
Для новогодней встречи отдаёт.

Сегодня он командует парадом.
И в ярком свете тысячи огней,
Страну труда окидывая взглядом,
Он не скрывает радости своей.

Он знает: хорошо трудились люди —
Куда ни глянь, победам нет числа.
И Новый год счастливым годом будет,
Раз хороши у Родины дела.

Рис. П. Вискова

Музыка В. Витлина

Умеренно

1. Злой метелицы уgroзи нам, ребята, не страшно.

Мы. В гости к Дедушке Морозу мы с утра.

ра приглашены. Нам подарок нового.

годний приготовил Дед Мороз:

Елку новую из леса он сегодня нам при.

1.

Злой метелицы угрозы
 Нам, ребятам, не страшны.
 В гости к дедушке Морозу
 Мы с утра приглашены.
 Нам подарок новогодний
 Приготовил Дед-Мороз:
 Ёлку новую из леса
 Он сегодня нам привёз.

Припев:

Идём, поём,
 Хоровод мы ведём.
 Вот так — друг за другом,
 Вот так — круг за кругом.

Идём, поём,
 Хоровод мы ведём,
 Всех на ёлку мы ждём!

2.

Карнавал у нас в разгаре,
 Что за чудо-чудеса!
 Слон играет на гитаре,
 На гармонике — лиса.
 На ходулях акробаты
 Водят с нами хоровод.
 На прощанье всем ребятам
 Дед подарки раздаёт.

Припев.

НЕЗАМЕНИМЫЙ АЛИК

Пьеса-шутка

Действующие лица:

АЛИК — ученик 5-го класса
МАМА
БАБУШКА
ДЕДУШКА РОМАН СЕМЁНОВИЧ
МИТЯ
ТАМАРА
ШУРОЧКА } одноклассники Алика

Комната в квартире Алика. Кресло, стол, на столе телефон, 2—3 стула.

Алик сидит «запихнутый» в кресло. Вокруг, не давая ему встать, грозной стеной стоят Митя, Тамара и Шуручка.

МИТЯ. Вот так! Выполняй поручение!

ТАМАРА. Выручай, Алик!

ШУРОЧКА. Больше никому!..

ТАМАРА. Ты же такой способный! Ты всё умеешь!

ШУРОЧКА. Всё, всё, всё, всё!!!

АЛИК (пытается встать, растерянно). Я, конечно, могу попробовать. Но ведь я только что сделал стенгазету...

МИТЯ. Сделал? Ну и хорошо. А модель «ТУ-104» для выставки закончил?

АЛИК. Закончил.

ТАМАРА. Алик!.. А к писателю ты ходил? На сбор пригласил?

АЛИК. Пригласил.

МИТЯ. Ну и порядочек. Всё выполнил — тебе теперь и делать нечего, а нам этот дед-мороз позарез нужен. Срочно! Через два часа в детсад на ёлку идти, а тут, понимаешь...

ШУРОЧКА. Алик! Ты такой талант! Такой энергичный! Ну, что тебе стоит каким-то малышам деда-мороза сыграть?

АЛИК. Ребята... так я, вообще... давайте. Только вы помогите.

ШУРОЧКА. Ой, что ты, Алик! У нас у самих дел разных — вот! (раз-

водит руками.) У меня ещё ленты не выглажены...

ТАМАРА. А у меня дома черепаха некормленная...

МИТЯ (грозно). Ты что, от поручения отказываешься? Тебе такое дело доверяют — деда-мороза играть!

АЛИК. Так я вообще...

МИТЯ. Ну и давай! (Ребята идут к двери.) Я тебе, если что, звонить буду. (Ребята уходят).

АЛИК (поднимается с кресла). Ма-ма!!..

(Входит мама с тарелкой в одной руке и с кухонным полотенцем в другой).

АЛИК. Мама, у нас борода есть?

МАМА. Аленька, что за глупости? Я тебя не понимаю.

АЛИК. Мама, я серьёзно! Два часа осталось. Борода, валенки, рука-

вицы (загибает пальцы); поздравление, старческая походка...

(Входит бабушка, останавливается в дверях).

МАМА. Ничего не понимаю!

БАБУШКА. Чего уж тут не понять! Опять, верно, поручение! Он ведь у нас незаменимый.

(Алик взволнованно бежит по комнате).

МАМА. Ах, мама! Опять вы своё! Очень даже хорошо, что Алику доверяют, поручают...

АЛИК. Да хватит вам спорить! Мне деда-мороза репетировать надо. Сейчас будет Митя звонить, а у меня ничего нет.

МАМА. Аленька, не волнуйся! Пожалуйста, не волнуйся! У тебя есть мама, значит, у тебя всё будет. (Бежит к телефону, набирает номер. Алик в это время ходит по комнате, пытаясь изобразить старче-

скую походку.) Алло! Василия Ивановича. Вася? Послушай, срочно нужна борода! Как зачем? Алику. Ему поручение дали. Да-да, деда-мороза. Что-что? Мочалку?! Ты с ума сошёл! Какую швабру? Я тебя серьёзно спрашиваю. Что? Вату? Накленть на марлю? Обожди, как это я мешаю тебе работать? Я же по делу. У нас пионерское поручение. (Вешает трубку.)... Всё в порядке.

АЛИК (останавливается). В порядке... (уныло.) Бороду скленть можно, а где мне деда взять? И какая у них походка?

МАМА (достаёт из стола тряпки, вату). Возьми нашу бабушку.

АЛИК. Да что мне бабушку-мороза изобразить, что ли? Мне дед нужен! Понимаете, дед!

МАМА. Аленька, не волнуйся. Пожалуйста, не волнуйся! У тебя есть мама — значит, у тебя будет дед! (Бежит к телефону, набирает номер).

БАБУШКА. Да брось ты Василия по пустякам тревожить. Что у него дед в столе заперт, что ли? Найду я вам деда. (Мама вешает трубку, вновь берётся за тряпки. Бабушка уходит).

АЛИК. Так. Нужно ещё приветствие сочинить. (Ходит в раздумье, останавливается.) Ага! Придумал!

С Новым годом, детский сад

Поздравляет наш отряд!

Хорошо?

МАМА. Ничего. А может быть, лучше так:

С Новым годом наш отряд

Поздравляет детский сад!

АЛИК. Да не детский сад, а мы его поздравляем! Вечно ты, мама, всё путаешь! Значит, так:

С Новым годом наш отряд

Поздравляет детский сад!

(Ходит в раздумье)

С новым счастьем поздравляет...

И чего-то там желает...

МАМА. Как это «чего-то»? Растить большими, слушаться маму.

АЛИК.

С новым счастьем поздравляет

И растить большими им желает...

Нет, не складно... (Думает.) Ага! Есть!

С новым счастьем поздравляет,

Быть весёлыми желает.

МАМА. Алик, замечательно! Ты просто поэт.

АЛИК (записывает). Теперь дальше надо. Ага!

Я, ребята, дед-мороз!

МАМА.

Я подарки вам принёс.

АЛИК. А что? Верно!

Я подарки вам принёс.

Их готовило давно

Наше третье звено.

МАМА. Про звено не надо. Дед-мороз ведь из леса приходит, значит, от зверей подарки.

АЛИК. Ну тогда так:

От Волкова, Лисициной,

Скворцовой и...

Вот не везёт, Скамейкина затесалась! Она как раз их и клеила! И чего это у нас такая фамилия не лесная!

МАМА. А ты вместо Скамейкиной Сяницину скажи.

АЛИК: Да она не в нашем классе. Лучше уж ничего не говорить.

Кто прислал их — угадывайте!

А пока что — получайте!

(Стук в дверь. Входит бабушка, а за нею дед с бородой — Роман Семёнович.)

ДЕДУШКА (отдуваясь). Высоконько живёте. Здравствуйте! (Протягивает маме руку.) Роман Семёнович!

МАМА. Очень приятно. Просто очень! Удивительно, что мы раньше с вами не познакомились.

(В это время Алик идёт вслед за дедушкой, копируя все его движения.)

ДЕДУШКА. У вас тут какое-то затруднение... Я толком и не понял. Простите за любопытство... Кхе! (кашляет в кулак).

АЛИК (за спиной деда). Кхе!..

БАБУШКА. Алик!

ДЕДУШКА (оборачивается). Это ты меня дразнишь?

АЛИК. Я не дразню... Честное слово! Я... (от смущения подносит ко рту кулак и кашляет.) Кхе!.. Роман Семёнович, я сейчас не нарочно...

ДЕДУШКА. А тогда нарочно?

АЛИК. Да нет!.. Я и в первый раз не нарочно... то есть нарочно, но не на самом деле. Я не передразнивал.

ДЕДУШКА. Нарочно, не нарочно... Ничего не понимаю.

БАБУШКА. Да объясните вы, в конце концов, в чём дело! Я Роману Семёновичу говорю: «Нужно», а чего нужно — и сама толком не пойму. Вот уж наказание! Ну вас... (Уходит).

МАМА. Роман Семёнович! Алик — мальчик воспитанный, он дразниться не будет. Наоборот, я и Алик просим вашей помощи! Проси, Алик!

АЛИК. Честное слово, Роман Семёнович!

ДЕДУШКА. Так что сделать-то нужно?

АЛИК. Я... Вы... Вот... Роман Семёнович, вы ведь уже старенький, вам, наверное, ходить трудно?..

ДЕДУШКА. Да вроде пока ещё не трудно.

АЛИК. Вот жалко!

МАМА. Алик!

АЛИК. То есть, я хотел сказать, что это вообще жалко... Ну, не вас жалко, а мне жалко... Понимаете? Мне не жалко, что вам не трудно, а

жалко, что... то есть... я... В общем, я про походку.

МАМА. Роман Семёнович, у нас, у меня и у Алика, то есть у Алика — пионерское поручение. Алику нужно сыграть деда-мороза. И, может быть, вы, как человек пожилой... Ну, передадите ему свой опыт. Как ходить, разговаривать... Ну, и если у вас есть ещё валенки...

ДЕДУШКА. Значит, передать опыт и валенки? Что же, валенки можно. А вот опыт... опыта у меня нет. Никогда дедом-морозом не был.

АЛИК. Морозом это неважно! Вы же зато дедушка!

ДЕДУШКА. А как же! Внучата есть! Конечно, дедушка!

АЛИК. Вот-вот! Вы мне только приветствие почитайте и походите немножко. А я потом сделаю, как вы.

ДЕДУШКА. Ладно. Давай, твоё приветствие.

МАМА. Большое спасибо, Роман

Семёнович! Не буду вам мешать (уходит).

АЛИК (подаёт приветствие). Это я сам сочинил!

ДЕДУШКА (берёт бумажку). Гм! «С Новым годом наш отряд...»

АЛИК (в сторону). Гм! С Новым годом наш отряд...

ДЕДУШКА. Ты чего «гымкаешь»?

АЛИК. Это не я «гымкаю», это вы!

ДЕДУШКА. Как я, когда — ты...

АЛИК. Сначала вы, а потом я. Я думал так и нужно читать: «Гм! С Новым годом...»

ДЕДУШКА. Гм... Ну-ка, читай сам, я посмотрю.

АЛИК (встаёт в позу, протягивает руку вперёд).

С Новым годом наш отряд
Поздравляет детский сад!

ДЕДУШКА. Пстой! Какой же ты дед? Звенишь, как струна. Ты чуток сгорбись, да баском, баском читай.

С Новым годом наш отряд!..

АЛИК. Сейчас, Роман Семёнович! Я вот отсюда выйду (отходит в угол комнаты.) будьте на сцену (стремительно выбегает из угла).

ДЕДУШКА. Эк ты козлом засскакал! Что тебе дед-то — олимпиец, что ли? Ты выходи степенно, с достоинством. Дай-ка я попробую. (берёт листок, выходит на середину).

С Новым годом наш отряд

Поздравляет детский сад!

С новым счастьем поздравляет,

Быть весёлыми желает.

(Пока дедушка читает, Алик ходит за ним по пятам, повторяя его движения).

АЛИК. Ух, здорово, Роман Семёнович!

ДЕДУШКА (продолжает).

Я, ребята, дед-мороз.

Я подарки вам принёс.

Кто их делал — угадайте!

А пока что — получайте!

Чего там, здорово! Я ведь самого себя представляю. Да и внучков поздравить сгодится мне... А ты чего-то не поймёшь деда...

АЛИК. Что же делать?

ДЕДУШКА. Чего уж тут делать?

Читай снова, только в другой раз не берись. Чувствуешь, что не потянешь — не берись.

АЛИК. Так ведь поручение...

ДЕДУШКА. А ты бери такие поручения, которые выполнить сможешь.

АЛИК. Митя говорит, что я всё могу.

ДЕДУШКА. А кто это — Митя?

АЛИК. Председатель совета отряда.

ДЕДУШКА. А сам-то он что делает?

АЛИК. Ой, дел у него много! Он поручения распределяет.

ДЕДУШКА. Это я понимаю. А делает-то он что? Сам делает?

АЛИК. Ну он... распределяет, поручает. Что тут непонятного?

ДЕДУШКА. Теперь всё понятно. Давай читай, а то опоздаешь.

АЛИК (встав в позу, читает).

С Новым годом наш отряд...

(Открывается дверь, вбегают Митя, Тамара и Шуручка).

АЛИК. Тише, ребята, мешаете.

Значит... С Новым годом наш отряд...

ШУРОЧКА. Хочет видеть поросят! (Смеётся). Готово, Алик?

АЛИК. Говорят тебе, не мешай! Митя, скажи ей!

ДЕДУШКА (Мите). Ага, значит, это ты и есть Митя?

МИТЯ. Ага. Здравствуйте... я... А что?

ДЕДУШКА. Ничего, просто так. (Алику.) А ты продолжай, продолжай.

ШУРОЧКА (спохватывается). Ой, здравствуйте, извините!

АЛИК (уныло).

С Новым годом наш отряд

Поздравляет детский сад.

С новым счастьем поздравляет...

ДЕДУШКА. Постой, постой. Что ты словно на похоронах? Ты ласково говори, уважительно. Смотри-ка. (Берёт текст, читает):

С Новым годом наш отряд

Поздравляет детский сад.

С новым счастьем поздравляет,

Быть весёлыми желает!..

Понятно?

(Пока Роман Семёнович читает, Митя, Тамара и Шуручка удивлённо смотрят на него, потом начинают перешёптываться).

МИТЯ. Вот здорово! Сила! Дедушка, у нас к вам просьба. Идёмте с нами.

ТАМАРА. От всего сердца просим. Пойдёмте на ёлку. У вас и бо-рода есть. А?

ШУРОЧКА. Ой, как вы хорошо читали!

ДЕДУШКА. Это ты мне что — вроде поручение даёшь?

МИТЯ. Нет, что вы! Мы просим... пожалуйста!

ДЕДУШКА. А я думал — поручение... Ну ладно, идёмте. А то быть вашим ребятишкам без деда-мороза.

ТАМАРА. Ура!

АЛИК. У-ф-ф! (Вытирает лоб рукавом.) Ребята, вы идите, а я оденусь и вас догоню.

МИТЯ. Идёмте, дедушка. Спасибо вам! Знаете, как вы меня выручили! А то мне бы влетело, что я не организовал.

(Ребята и дедушка идут к дверям).

ДЕДУШКА. А ты бы сам попробовал.

МИТЯ. Я не могу. У меня работы — во!.. (Звонит телефон).

АЛИК. Алло! Митя? Здесь. Митя, стой! Тебя.

МИТЯ. Дедушка, идите с девочками, я догоню. (Роман Семёнович и девочки уходят.) Алло. Да... Нет... Что?! Вы что, с ума сошли! Двадцать минут осталось! (вешает трубку.) Алик, слушай Алик! Понимаешь, какое дело... Оказывается, Снегурочка

не придёт. Заболела. Придётся тебе за Снегурочку выступить.

АЛИК. Мне?!!

МИТЯ. Давай, Алик. Двадцать минут осталось. Я побежал. Мы тебя ждём, учти! Отряд на тебя надеется, учти! (Выбегает в дверь).

АЛИК (в растерянности опускается в кресло, кричит). Ма-ма!

ЗАНАВЕС

Во имя грядущих поколений

(К 60-летию со дня выхода первого номера
Ленинской «Искры»)

В ДЕКАБРЕ этого года исполняется 60 лет со дня появления первой общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра».

Мысль о необходимости её издания возникла у Владимира Ильича Ленина, когда он находился в сибирской ссылке.

В России тогда существовали лишь марксистские кружки, которые не всегда были в состоянии вести успешную борьбу за освобождение рабочего класса.

Газета, по мнению В. И. Ленина, могла бы объединить и сплотить эти разрозненные кружки. На её страницах можно было разоблачать врагов пролетариата. Рабочие, крестьяне, интеллигенция России могли бы через газету высказать свои мысли и чаяния.

Итак, для успешной революционной борьбы, для создания Коммунистической партии необходима была газета. Легальной, открытой она быть не могла. Ведь царь, помещики, буржуазия, против которых она станет бороться, сразу же уничтожат такую газету, а её организаторов и сотрудников сошлют на каторгу.

Владимир Ильич всё это пре-

красно понимал и до мельчайших деталей продумал, что и как надо сделать.

«Искра» — так решено было назвать газету. А эпиграфом к ней взяли слова из ответа декабристов А. С. Пушкину: «Из искры возгорится пламя!»

Издавать «Искру» решили за границей. Печатали её на очень тонкой бумаге и тайно привозили в Россию, где специальные люди (их называли агентами) распространяли газету среди рабочих различных городов и заводов. Агенты также собирали деньги, тайно пересылали в редакцию свои материалы, которые затем становились газетными корреспонденциями и статьями. Деятельность агентов была трудной и опасной, ведь царское правительство не щадило тех, кто поднялся на борьбу с ним.

Ленинская «Искра» сыграла огромную роль в русском революционном движении.

* * *

В этом номере журнала мы публикуем очерк кандидата исторических наук Г. М. Дейча. В очерке рассказано о переписке между редакцией «Искры» и её корреспондентами.

Как велась переписка между редакцией и корреспондентами «Искры»?

«Искра» была широко известна среди рабочих, крестьян, учащихся и интеллигенции. Десятки и сотни людей регулярно писали в газету письма и заметки о тяжёлой жизни рабочих и крестьян, о забастовках на фабриках и заводах, столкновениях с полицией, войска-

ми и о многих других событиях. Часто в «Искру» присылали секретные документы царского правительства, которые удавалось раздобыть нелегальным образом. «Искра» печатала эти материалы, выставляя в самом неприглядном виде царя, его чиновников и их порядки.

Власти приходили от этого в ярость и требовали от полиции, жандармов и целой армии шпионов перехватывать письма и заметки, которые посылали в «Искру». В ряде городов существовали с этой целью так называемые «чёрные кабинеты», где вскрывались все подозрительные письма.

Ленину и его товарищам по редакции приходилось прибегать к всевозможным уловкам, чтобы корреспонденция не попала в руки жандармов, а если бы и попала, то они не могли бы разобрать, кто и что писал.

Для этого у революционеров было много способов. Прежде всего, многие представители и корреспонденты «Искры» имели по одной или несколько вымышленных фамилий или кличек. Например, известный деятель «Искры» Пётр Ананьевич Красиков имел несколько вымышленных фамилий и кличек: то он назывался Бельским, то Игнатов, то Панкратом, то Шпилькой. Его товарищ по работе в «Искре» Л. Б. Красин фигурировал под фамилиями Винтер, Зимин, Иогансон или под кличкой «Лошадь».

Иногда имя или клички заменялись каким-нибудь сочетанием цифр или букв. Тот же Красиков иногда назывался в письмах «Р--», а известный большевик и руководитель псковской группы «Искры» Пантелеймон Николаевич Лепешинский, кроме клич-

ки «Лапотъ», псевдонима Бычков, фигурировал ещё под названием «2А-36». Такой способ мешал шпионам узнать, кто писал письмо или о ком идёт там речь.

Конспиративные клички были не только у людей. Например, в Петербурге было несколько рабочих организаций. Одну из них Владимир Ильич называл в письмах «Ваня», другую «Маня», искровский центр в Самаре фигурировал в письмах под именем «Сони». Даже такие слова, как съезд партии, Владимир Ильич заменял именем «Саша».

Но этого было мало. Надо было писать так, чтобы шпионы не могли узнать из письма, о чём там идёт речь. Часто делали так. По заранее условленному адресу в Германию, Бельгию, Швейцарию или другую страну (адреса эти давала обычно Надежда Константиновна Крупская, принимавшая самое активное участие в работе «Искры») писалось обычное письмо. В письме вымышленным родственникам сообщалось о здоровье, погоде, знакомых, развлечениях, а между строк при помощи «химии» сообщалось самое главное.

Редакция «Искры», получив такое письмо, подогревала его над лампой, и тогда всё написанное «химией» проявлялось на бумаге. В качестве «химии» употреблялись иногда сложные

составы, но чаще всего такие письма писались простым раствором соли, молоком или лимонной кислотой.

Очень интересный способ переписки с Владимиром Ильичём и Надеждой Константиновной применял один из самых энергичных деятелей и корреспондентов «Искры» И. И. Радченко.

Владимир Ильич часто поручал ему сложные и опасные дела. Было важно, чтобы переписка с ним велась систематически и регулярно, а не от случая к случаю. Вот почему прибегли к способу, который получил название

«Ласточка». Один человек посылал другому какой-нибудь ежемесячный или еженедельный журнал. В каждом периодическом журнале бывают специальные отделы, например, международный, искусства, науки, библиографии. Владимир Ильич договорился с И. И. Радченко, что тот будет ему ежемесячно пересылать совершенно безобидный журнал «Новое дело», но между статьями и заметками какого-либо отдела будет писать «химией» всё необходимое. Так они и делали: Радченко присылал в «Искру» журнал, а Владимир Ильич или Надежда Константиновна сообщали, что «Ласточка» получена.

Правда, случалось, что полиции при помощи провокаторов и шпионов удавалось обнаружить «химию», и тогда начинались аресты, за ними следовали тюрьмы и ссылки. Но это не страшило революционеров. Пренебрегая опасностью, они шли на новые хитрости, чтобы сообщить в «Искру» важные сведения.

Интересный способ переписки применял уже упоминавшийся П. Н. Лепешинский. Жил он в это время (в 1902 году) в Пскове, тихо и мирно служил статистиком, а между тем вёл большую работу по поручению Владимира Ильича Ленина и редакции «Искры». Однажды он получил сведения о том, что в Пскове жандармы без всякого основания арестовали ряд лиц, а в Вильнюсе произошла первомайская демонстрация, во время которой полиция схватила многих участников. По распоряжению местного губернатора фон Валя с участниками демонстрации расправились жесточайшим образом. Все эти сведения необходимо было сообщить в «Искру», чтобы газета разоблачила всю мерзость и жестокость властей. Но как сообщить?

Пантелеймон Николаевич сделал так. Воспользовавшись тем, что его жена Ольга Борисовна Лепешинская* находилась в это время в Лозанне, он написал ей письмо, в котором между прочим были такие строки: «У нас новостей из жизни общественной пока что никаких. Здесь одна из девиц выпущена на свободу, и перед ней, говорят, извинялись — «недоразумение», мол, вышло. Ходят слухи, что в Вильне праздновалось 1-е мая и всех бунянов перепороли, причём потеха такая! — каждого казнимого спрашивали: «сколько тебе лет?» — 25, — отвечает. Ему всыпают 25 розг. Городовые и дворники садятся ему на голову и ноги (говорят ещё, что при этой операции играла роль какая-то доска, которую клали на ноги, но как это, я не представляю себе) и дерут. И отлично, по-моему, делают, потому не бунтуй. Какого, в самом деле, чёрта им надо!

Спасибо фон Валью — энергичный человек.

Были ещё демонстрации в Сморгони и Ковне. В этом последнем прохвосты успели поднадуть полицию: она ожидала де-

* Ольга Борисовна Лепешинская, член КПСС с 1898 г., является видным учёным-биологом, членом Академии медицинских наук.

монстрацию 18 апреля и была наготове, а они учинили скандал позже. Благодаря этому им удалось с полчаса продемонстрировать, причём перед домом губернаторским шельмецы пели революционные песни и пр. В Питере же, слава богу, всё тихо».

Посылать такое письмо было не опасно, так как, даже если бы оно попало в руки полиции, оно не вызвало бы подозрений. Наоборот, полиция была бы довольна: ведь в письме даже ругают «буянов» и хвалят жестокого истязателя фон Валя.

Между тем Ольга Борисовна, получив от мужа это письмо, могла информировать редакцию «Искры» о незаконных арестах в Пскове, первомайской демонстрации в Вильнюсе и зверской расправе с её участниками, о демонстрациях в Каунасе и Сморгони.

Самым распространённым способом конспиративной переписки было всё же шифрование. Шифрование производилось обычно путём замены в письме целых фраз, слов, слогов или отдельных букв цифрами или буквами в различных комбинациях. Для разбора шифра пользовались обычно соответствующим ключом.

Шифрование было делом очень трудным. В редакции «Искры» этим обычно занималась Надежда Константиновна Крупская, являвшаяся секретарём редакции. Часто, однако, это делал сам Владимир Ильич.

В одном из писем видному деятелю «Искры» Виктору Павловичу Ногину, проживавшему в это время в Лондоне, Владимир Ильич писал: «Мне сообщили фамилию того петербуржца, который делал (в провинции и довольно глухой) предложение издать перевод Каутского. Боюсь доверить фамилию — впрочем передам Вам её таким образом. Напишите имя, отчество (на русский лад) и фамилию Алексея и обозначьте все 23 буквы цифрами по их порядку. Тогда фамилия этого петербуржца составит из букв: 6, 22, 11, 22 (вместо неё читайте следующую по азбуке букву) 5, 10 и 13».

Чтобы правильно расшифровать фамилию петербуржца, нужно было в первую очередь знать, кто скрывался под кличкой Алексей. В. П. Ногин знал, что Алексей — кличка Ю. О. Цедербаума, который по старой орфографии писался так: Юлий Осиповичъ Цедербаумъ. После этого В. П. Ногин проделал очень простую операцию: каждую букву пронумеровал. Получилось следующее.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ю	Л	И	Й	О	С	И	П	О	В	И	Ч	Ъ
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			
Ц	Е	Д	Е	Р	Б	А	У	М	Ъ			

Теперь уже нетрудно было расшифровать цифры, которые указывал Владимир Ильич:

6 22 11 22

С М И Н

СМИН (следующая по азбуке буква после М—Н)

5 10 13

О В Ъ

Выходит, что фамилия петербуржца была — СМИНОВЪ.

Владимир Ильич пропустил число 18 (буква р). Случайно ли это произошло или умышленно, сказать трудно. Во всяком случае, В. П. Ногин, конечно, догадался, что Владимир Ильич имеет в виду одного из петербургских социал-демократов М. В. Смирнова.

Между «Искрой» и её корреспондентами было установлено правило — регулярно посылать в редакцию так называемые «Пустые письма».

В большинстве случаев в качестве «Пустого письма» посылалась открытка с видом какого-либо города, памятника или красивого пейзажа. Кроме адреса, на такой открытке обычно ничего не писали. Но в редакции знали: если от такого-то корреспондента получено «Пустое письмо», то он жив и здоров и получил всё то, что ему было отправлено.

Нам невозможно даже представить себе все те трудности, которые приходилось преодолевать редакции «Искры» и её корреспондентам для того, чтобы газета могла выходить и сообщать читателям важнейшие новости.

Делалось это часто с риском для жизни и свободы, во имя жизни и свободы грядущих поколений.

Праздничное слово

(К 60-летию Александра ПРОКОФЬЕВА)

НЕДАВНО я путешествовал вокруг Ладоги. Вечерами выходил на берег озера, смотрел на гаснущие в воде краски заката. Огромные, похожие на тюленей, валуны, что лежали на песчаных косах, сначала пламенели, потом чернели и тонули в синем сумраке. Возвращались к берегу рыбацьи лодки...

В этих краях я был впервые, и меня мучила мысль: почему же я отношусь к окружающему так, точно уже видел всё это? В голове бродили строчки стихов:

*У этой песни лад другой,
Особенная грусть.
О сумеречной Ладоге
Рассказывать берусь...*

Вспомнил!

С детства я любил стихи Александра Прокофьева. Это из них я узнал о «приладожской сини», напевах гармошни-тальянки, отважной жизни рыбаков!..

На Ладоге поэт родился. Здесь он полюбил «синий шёлк» озёрной глади, раздольные поля, леса. Он описал их в своих первых стихах. Он возвращается к картинам родной природы и сейчас, в произведениях зрелых. Когда читаешь стихи Прокофьева, обращённые к Родине, словно стоишь с ним где-нибудь на косогоре и дышишь полной грудью:

*Сияние небес твоих огромно.
И пусть навеки память
сохранит:
Могучий дуб среди
долины ровной,
Твоей зарёй, как лентою,
обвит.*

В девятнадцать лет Прокофьев вступил в Красную Армию и ушёл на фронт гражданской войны. Он участвовал и в Великой Отечественной 1941—45 годов. Именно поэтому он имел право сказать от лица своего поколения — солдат-революционеров:

*Как памятники, встанем
над годами,
Как музыка, — на всех
земных путях...
Вот так боролись мы
и так страдали
И так мы воевали за Октябрь!*

Прокофьев много пишет для детей. В этих стихах столько красок, что они воспринимаются, как праздник. Звонкое слово превращает их в весёлую игру. Прочтите, например, «Чехарду»:

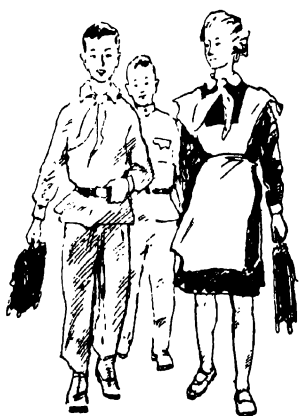
*Я веду,
Я веду,
Мы играем
В чехарду.
Столько смеха
Тут всегда —
Чеха,
Чеха,
Чеха,
Рда!
Сильнее мчи,
Беги,
Скачи.*

Александру Андреевичу Прокофьеву исполнилось 60 лет. Новых творческих успехов большому русскому поэту!

Владимир ТОРОПЫГИН

Песенка

Весёлое, привычное,
Гореть не устаёт,
Большое солнце светлое
Над Родиной встаёт.
Цветёт земля чудесная,
И ей мы говорим,
Что Родину Советскую
За всё благодарим:
За лютики, за донники,
За флаги, как заря,

За то, что все мы школьники
С начала сентября!
Мы сильные, здоровые,
Нам всех привольней жить,
Идём мы в школы новые
Учиться и дружить.
И станут нам известными
Все горы, все моря.
Мы школьники советские
С начала сентября,

Игра

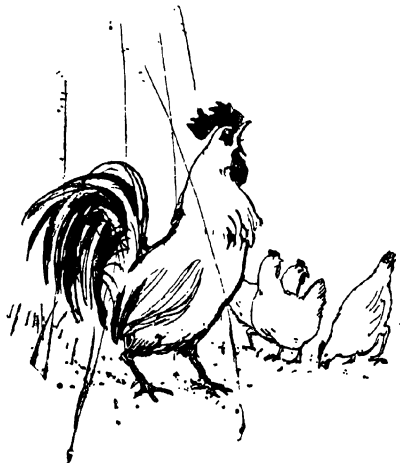
На улице лужа,
Ребята не тужат.
Им она доверена,
Им тужить не велено.
Все, все корабли
Покидают гавани,
И вблизи и вдали
Флот уходит в плаванье.

Он выходит к дальним
странам
И бросает якоря.
Босоногим капитанам
Открываются моря.

Курицы на улице

— Ку-ка-ре-ку! Курицы,
Хорошо ль на улице?
— Ку-ка-ре-ку! Десять раз
Беспокоюсь я за вас,
Беспокоюсь, хлопочу,
Громко крыльями стучу.
Я горланю во весь дух,
Потому что я петух.
— Брось горланить! Ко-ко-
ко...
Все мы здесь... недалеко.

М е ш о к

Р А С С К А З

1.

РЕШИЛ Тимошка не водиться больше с Лёнькой и с его «подручными», как называла их бабушка. На что это похоже, в самом деле? Тимошка заканчивал шестой класс и отлично заканчивал, а Лёнька — двоюродный брат — опять же, как говорила бабушка, полз на брюхе через второй. Двое Лёнькиных «подручных» вовсе ещё не учились в школе. Хороша компания для шестиклассника! Но самое главное — надоело Тимошке отвечать за все их выходки и проделки. Чуть ли не каждый день тыкали Тимошку носом:

— Опять твоя шатия-братия отличилась.

«Хватит, — твёрдо решил наконец Тимошка. — Лёньку вот-вот в пионеры примут. Пускай и отвечает сам за себя».

Задумал Тимошка заняться серьёзными делами.

Весной старшеклассникам выделили участок в девять гектаров — сами обрабатывайте, сами засевайте, убирайте и сами в первую очередь угощайтесь. — Хорошенькое угощение — кукуруза да овёс! Ладно, назвался груздем, полезай в кузов!

В феврале — марте вывозили в поле удобрение — навоз и

торф. Очень не романтичное это занятие. Конечно, старшеклассники потому и разрешили Тимошке работать вместе с ними. Даже звали, уговаривали: «Тимош, накопай немножко. Тимош, съезди разочек».

И он старался. Из всех сил старался. Даже заслужил похвалу комсорга Павла Игнатьева. Тот заявил во всеуслышание:

— Так и надо готовиться к вступлению в комсомол!

А вот на занятиях по механизации Тимошка только и слышал: «Отойди», «Не мешай», «А тебе чего надо здесь?».

Разве не обидно? Впрочем, было у него и утешение. Старшие ребята только начинали изучать, допустим, сеялку, точь-в-точь, как азбуку: «а» да «б». Что такое сошники, между-рядья? А он, Тимошка, в прошлом году даже ездил на этой сеялке. Не просто катался от машинного двора до поля, а по-настоящему сеял! Не самостоятельно, конечно, вместе с дядей Васей. Да тот же Павел Игнатьев наверняка ни одного гона в поле не сделал. Тимошка же даже не считал, сколько раз прогнал по полю из края в край. Пятнадцать гектаров засеяли они вместе с дядей Васей...

Хорошо стоять на подножной доске, когда сеялка, вздрагивая

и покачиваясь, катится за трактором, а за сеялкой подпрыгивает, переваливаясь с боку на бок, борона. Солнышко греет. От земли пар поднимается. Далеко впереди тёмной стенкой лес стоит. Присядешь на корточки (держись крепче!), посмотришь, как зёрна просыпаются в землю... Дивно! А зажмуришь глаза — и видишь покрытое зелеными поле. И это сделали его таким Тимошкины руки! Ну, и дяди Васи, конечно, и тракториста, и прицепщика.

Да, без его, Тимошкиных, знаний и опыта старшеклассникам придётся туго. И они, безусловно, попросят его: «Тимош, а Тимош, помоги».

И он поможет, потому что у Тимошки Анисимова нет агротехнических секретов от своих товарищей.

Но никто Тимошку не звал. Сидели они с Лёнкой на краю поля совсем-совсем никому не нужные.

В счёт, конечно, не шло, когда Павел Игнатьев позвал:

— Чего лодырничает? Подсоби мешок поднять!

Тимошка ничуть не рассердился, наоборот, с удовольствием кинулся помогать. Подпирал снизу, когда Павел тащил мешок к сеялке, а затем высыпал овёс в ящик.

На том всё и кончилось. А Лёнька по-своему оценил рвение брата:

— Слабаки!

— Чего? — рассердился Тимошка, — думаешь, сколько килограммов в мешке?

— Ну, десять, одиннадцать...

— Одиннадцать, одиннадцать! — передразнил брата Тимошка, — а пятьдесят не хочешь?

Лёнька подобрал с земли несколько просыпанных зёрен овса, внимательно рассмотрел их и попробовал лущить. Съедобного — всего-ничего. Тогда он вернулся к начатому разговору:

— Надо по половине мешка насыпать.

— По какой половине? Чего мелешь? — Тимошка сорвал вызолоченный солнцем цветок одуванчик и ткнул им в веснушчатый нос Лёньки: — Ну, чего мелешь?

Невозмутимо, загибая пальцы и беззвучно шевеля губами, Лёнька произвёл в уме какие-то сложные подсчёты:

— По двадцать пять килограммов насыпать надо, чтобы одному тащить.

Тимошка хмыкнул:

— Может, лучше в карманах таскать?

Пропустив замечание брата мимо ушей, Лёнька встал и подтянул штаны:

— Есть до чего охота!

А Тимошка вдруг по-серьёзному посмотрел на Лёнькину выдумку:

— Ну-ка, ну-ка, если мешки сделать, например, вдвое меньше, тогда и один человек справится. Почему на сеялках работают вдвоём? Да потому что трудно одному таскать тяжёлые мешки. А на ходу во время самого сева один управится свободно. Не прозевай на поворотах отжать, а потом включить рычаг. Ну-ка, сколько освободится рабочих рук! Вот так Лёнька!

Тимошка повернул брата к себе лицом и улыбнулся, глядя на его нос, позолоченный пыльцой одуванчика.

— Как ты это придумал?

— Обыкновенно придумал, способом деления. Разделил 50 на половинки — получилось 25.

Т ОЛЬКО два дня и сеяли.

Такой зарядил дождь, что в поле пешком не выбраться. Куда там на тракторе! Третьи сутки лил дождь. На всех напало уныние. Уходило драгоценное время. Единственный, пожалуй, Тимошка не замечал дождя. Задумал он утереть старшекласникам нос. Доказать задавалам, на что способен ученик шестого класса.

Но месть ослепляет человека. Подвела она и Тимошку.

Ему бы пойти хоть к председателю колхоза и напрямик выложить всё: так, мол, и так, придумал я то да сё. Хочу помочь и ребятам и колхозу. Вношу предложение.

Но Тимошка побежал в дальний конец деревни к деду Онисиму.

К деду из Ленинграда приезжали учёные и записывали всякие воспоминания-бывальщины. Чего только не помнил дед, прожив на свете девяносто четыре года.

Тимошку он встретил радушно:

— Дождь подождь, нут-ка, я тебе байку пробаю.

— Дедушка Онисим, я к вам по делу, — взмолился Тимошка.

Старик обдал его струёй ядовитого махорочного дыма:

— Дело — это сказ, а наперёд идёт присказка. Нут-ко, писклята нашли червяков-букашек, обтеснили кругом, клюют, хлопчут и знай радуются: «Всё наше! Всё наше!» А старый пентух ка-ак вскинется на забор, ка-ак заголосит: «Нас по-ре-

жут!» Вот, мил-человек, Микитка, в жизни как оно могёт быть.

— Дедушка, я не Микитка, а Тимошка.

— Ну, Тимошка. Вот и слушай, как тебя, ай Павлушка, что ли...

Тимошка знал: если дед в хорошем настроении и разговорится, то не остановить его. А у Тимошки важное дело. Эх, жаль, нет здесь Лёньки. Тот вмиг придумал бы что-нибудь.

Воспоминание о Лёнькиных проделках вдруг и надоумило Тимошку. С загадочным видом, подойдя к стенке, он стал вымерять на ней пальцами ничего не значащие фигуры.

Дед Онисим немедленно заинтересовался:

— Ты чего это, ай парень?

— Погодите, дедушка, — нарочно отмахнулся Тимошка.

Подействовало. Разобрало дед любопытство. Принялся он разглядывать, что там на стене?

— Насчёт мешка, я, — по-деловому, озабоченно сказал, наконец, Тимошка.

— Какого-такого мешка?

Тут Тимошка и рассказал о своём замысле.

Дед замахал трубкой так, что из неё посыпались горящие табачные крупинки.

— Экое загнул ты, Николка! Да ведомо ли тебе, что этакое образца мешки заведены в земле российской, может, тысячи лет назад, а может, более того. Вишь, куда заглянул! Р-раз, и мешок напололам! Виданное ли дело? Деды наши и прадеды были глупее нас с тобой, что ли?

— Почему глупее? — не согласился Тимошка. — Просто у них не было ученических бригад.

— И-и-и! — восторженно воскликнул дед и поперхнулся забористым дымом. Долго откашливался. Кряхтел. Махал трубкой, рассыпая искры. Глядел на Тимошку с почтительным изумлением. — Ох, ты, молодчина, такой-сякой-разэтакий, хочешь, значит, из одного мешка ячменя, скажем, сразу два сделать. Ох, и затейник же. Сразу два урожая. Валяй, Митрий, действуй, безбоязненно действуй...

— Спасибо, дедушка...

Старик только и успел прокричать по-петушиному:

— Нас по-ре-жут!..

Тимошка со всех ног, по грязи, по лужам, мчался вдоль деревни. Скорей разыскать Лёньку и его верных друзей-товарищей.

Где они могли запрятаться в этакую мерзкую погоду? В старой кузнице, что ли?

И верно, в полутьме запу-

заклучил Тимошка, — за новый может здорово влететь.

3.

ВСЁ шло как нельзя лучше. Под неусыпным наблюдением Тимошки, по его указаниям за два дня девочки сшили восемь мешков — это из самого что ни на-есть утиля. А вот из старого брезента — его раздобыла Лёнькина шатия-братия — получилось четырнадцать отличнейших мешков новой конструкции.

Тимошка не сразу отважился кромсать брезент, отживший, по всем признакам, долгую службу.

— Откуда взяли? — допытывался Тимошка.

Ребята «добытчики» заверили хором:

— Раньше его под веялку подкладывали, а потом он весь прохудился.

— Бригадира спросили?

Лёнька поклялся:

— Чтоб мне сегодня не победать! Его давно уже выбросили. Это нам бабка Марья сказала. Чтоб мне с голоду помереть!

И Тимошка рассудил примерно так: «Что ж, бабка Марья — ночной сторож, она стережёт колхозное добро и зря говорить не станет».

Участь брезента решилась.

Пошитые мешки лежали стопкой. Всё сделано собственными

щенного сарая ребята сгрудились вокруг Лёньки.

— Есть дело. — Тимошка обвёл гордым взглядом собравшихся ребят и пересчитал их. — Шестеро. Маловато. Это настоящее, серьёзное дело!

Лёнька соорудил хитрую гримасу:

— А вкусное?

— Не болтай.

И Тимошка рассказал о своей затее, сославшись, конечно, на авторитетный дедовский совет. Какое будущее, по словам Тимошки, ожидало их всех! Наверняка о них напишут в газетах. Только нужно, чтобы каждый, кто вызовется помогать, притащил бы из дому старый мешок.

— Худой, рваный мешок, —

руками! До всего дошли собственным умом!

Тимошка распорядился:

— Лёнька, Елена, мигом за председателем! Он придёт! Только не сразу говорите!

Действительно председатель вскоре явился. Видно, заинтересовало его столь необыкновенное приглашение.

Само собой, без команды, ребята выстроились шеренгой.

Тимошка выступил вперёд...

— Иван Иванович...

Коротко, по-деловому, Тимошка доложил председателю:

— Это из нашей пионерской копилки!

— Похвально! — Иван Иванович крикнул, разглядывая мешки. — Молодцы, мда... — Но тут же насупился. Взял брезентовый мешок, растянул его. Проверял, нет ли дырок, что ли. Бросил на место.

— Жалко, ладный был брезент, — сказал председатель.

Агрономовская Ленка хотела вышмыгнуть из сарая, но председатель поймал её за подол.

Тимошка стоял темнее тёмной тучи.

А кому было хорошо? Всякий понимал: загубили нужную вещь, и всякий — вроде агрономовской Ленки — с удовольствием улизнул бы отсюда.

Иван Иванович молчал. Долго молчал. Потом проговорил:

— Вы бы хоть посоветовались с кем-нибудь из старших, ну, хотя бы с дедом Онисимом, что ли.

И тут Лёнька, Лёнька-обжора, который стоял где-то на левом фланге, бесстрашно выступил вперёд.

— Иван Иванович, вы их не ругайте, — сказал он, смотря на председателя ясными, плутов-

скими своими глазами, — это я брезент спёр.

— Ты? — председатель словно обрадовался, что нашёлся наконец опаснейший преступник. Прищурился, подошёл к Лёньке, взял его за подбородок, со всех сторон рассматривая мальчишескую физиономию. Веснушки, считал, что ли?

Наконец Иван Иванович махнул рукой, оставил Лёньку, вернулся к мешкам и решил так:

— За помощь спасибо. В общем и целом... молодцы! За то, что заботитесь, участвуете в колхозных делах — молодцы. Зерно, опять же, можно было в обыкновенные мешки по половине насыпать... да... всё-таки, молодцы, ребята. Если бы не брезент, про вас прямо в газету написать. — Он обратился к Тимошке: — Ты, Тимофей, комсомолец?

— Нет ещё, — буркнул Тимошка.

— Понятно... — многозначительно протянул Иван Иванович и пошёл восвояси. Бросил на ходу: — Мешки отнесите в амбар, в тот, где посевной материал.

По уходе председателя агрономовская Ленка едва не разревелась.

— Ну вас... Знала бы я...

Лёнька смерил её презрительным взглядом:

— Трусиха!

4.

ПЕРВЫЙ раз в жизни Тимошка не мог заснуть. Вертелся, крутился. Пружины

под ним скрипели, словно жалаясь: «Будет тебе... Засыпай...»

Мать со своей половины спросила:

— Что с тобой, Тимоша?

— Нервы, — весьма недружелюбно проворчал он в ответ.

И ещё больше рассердился на себя. Мать не ругала Тимошку, не попрекала. А наверняка знала о его промахе. И наверняка досталось ей от председателя «за сыночка».

«Ох, уж этот Лёнька, — ворчал в душе Тимошка, — надделал дел. Нет уж, хватит!»

— Сама знаешь, — тихо повинился Тимошка.

— Знаю, спи, — устало сказала мать, — только завтра после комсомольского бюро забеги ко мне на ферму, скажи, как там.

— Ладно.

КОГДА бабушка растолкала Тимошку, то ему показалось, будто он вовсе не засыпал. Но мать уже ушла на работу, а бабушка хлопотала возле растопленной печи, непрерывно поглядывая в Тимошкину сторону.

Он вдруг вскочил и, неизвестно, с какой стати вспомнив про деда Онисима, загорланил:

— Нас по-ре-жут!

Бабушка стукнула ухватом по полу:

— И в кого ты этакой оглашенный? Умывайся и марш! Лександр Дементьев давно приходил. Наказывал, чтоб не забыл ты.

Она не переставала ворчать, пока Тимошка завтракал. Проводила до самой улицы и, чего никогда с бабушкой не было, украдкой перекрестила его. Этого только недоставало!

Тимошка крикнул ещё раз:

— Нас по-ре-жут!—и припустил в школу.

Впрочем, он скоро замедлил шаг. Зачем торопиться? Что ожидало его?

«Перво-наперво, — с тоской думал Тимошка, — всё зависит от того, как поздоровается Павел. Если — за руку и скажет: «Привет, Тимошка!» — ничего страшного. А если всего-навсего кивнёт — жди нахлобучки! И всё из-за Лёньки!

Понуро шагая, Тимошка нащупал в кармане конфету. Ту самую, которую хотел отдать вчера Лёньке.

«Ну, нет!»

Развернул Тимошка конфету и чуть не съел. Передумал. Загадал: «Если большой нахлобучки не будет — потом съем. А если попадёт крепко, то... отдам Лёньке. Чтобы не очень подкусывал.

Вот и школа.

С Павлом Игнатьевым и с пионервожатой Люсей Тимошка встретился в коридоре. Напрасно загадывал. Павел никак не поздоровался. Кинул на ходу:

— Причешись!

В учительской народу собралось изрядно. Павел сразу начал говорить, как комсомольская организация должна заботиться о пионерах, младших своих товарищах и помощниках, каждый день, на каждом шагу...

Потом перешёл к персональным делам. При этом так подозрительно покосился на Тимошку, что тот съёжился и готов был превратиться в пылинку, в букашку — в самую маленькую, невидимую простым глазом.

И вдруг Павел заговорил о Тимошке. Какой это молодец! Какое замечательное его предложение! В результате старшие ребята смогут работать на сеялках по одному, следовательно, освободятся рабочие руки для других дел.

У Тимошки спёрло дыхание. Что получилось? Он доказал всё-таки задавалам, кто такой Тимофей Анисимов! А его не хотели брать в бригаду. Теперь слушайте, смотрите! Теперь он покажет настоящий класс работы. Не обошлись всё-таки без него. А самое главное — он избавится от Лёнькиной шаттии-братии.

Тимошке безумно хотелось казаться сейчас великаном, чтобы все разглядели его. Каков?!

— Конечно, — продолжал Павел, — с брезентом у них получилось не совсем чтобы очень, но тут творческая инициатива, так сказать, прогрессивный метод работы. Это не хулиганство, а желание помочь своему колхозу.

Тимошка пригладил пятернёй волосы и поднялся во весь рост: «Что, чья взяла?»

Напоследок Павел предложил выразить пионеру Тимофею Анисимову комсомольскую благодарность, а кроме того, дать ему комсомольское поручение, пото-

му что он готовится вступать в комсомол.

— Я предлагаю, — заключил Павел, — прикрепить Тимофея на лето к младшим ребятам. Он умеет руководить, пользуется у них авторитетом и справится с возложенной на него задачей.

Все заплодировали, а Павел хлопнул Тимошку по плечу:

— Действуй! Расти хороших пионеров!

Что произошло — Тимошка сообразил уже по пути на ферму.

Получил он благодарность. Правильно. Оценили.

А наказание за что? Зачем ему Лёнька со всей своей оравой, со всеми их выдумками-проделками?

«Ох, и Павел! Ох, и хитрец! Ты, говорит, Тимошка, без пяти минут комсомолец. Ты, говорит, теперь несёшь за них всю ответственность...» — Ну, погодите, шатия-братия!.. — мысленно грозился Тимошка.

Они оказались лёгкими на помине: Лёнька сам-пятый. Они явно поджидали Тимошку.

В конце машинного двора четверо сидели возле старой сеялки, а Лёнька важно объяснял им:

— Это регулятор высева...

Завидев Тимошку, ребята вскочили.

— Марш отсюда! — строго приказал он, и ребят, как ветром сдуло.

Лёнька пошёл рядом. Тимошка хмурился, молчал, сбивал ногами ни в чём неповинные золотистые одуванчики.

Лёнька и слева и справа забегал, заглядывал в глаза брату,

но ничего не разгадал. Оставаться дольше в неведении он не мог. Схватил Тимошку за руку и усадил его:

— Говори, чего?

Тимошка показал кулак:

— Вот чего!

— Скажи по правде, — жалобно попросил Лёнька.

— Велели всыпать вам!

— А тебе?

— Благодарность.

Лёнька опрокинулся на спину и задрывал ногами, будто ехал на велосипеде. Смеялся залихватом:

— Тебе благодарность, да? — раскинул руки. — Вот такую благодарность, да? Мешочник!..

— Тимоша-а! — донеслось от коровника. Там стояла Тимошкина мать. Она торопила ребят. — Тимоша-а! Лёнь!

— Пошли, — вскочил Тимошка, — сейчас всё узнаешь.

В белом халате и косынке, совсем как доктор, мать прикрывала рукой лицо от солнца. И напрасно. Солнце красило её, вызолотив пряди волос, что выбились из-под косынки, а ветер играл одной прядкой, словно флажком.

— Красивая у тебя маманя, — шепнул Лёнька..

Конечно, она обрадовалась, выслушав отчёт сына, хотя для вида, и пообещала:

— Отодрать надобно вас как следует. Погодите, выпейте по баночке утешного, и чтобы мигом в школу.

Она ушла, словно унося с собой часть солнечного света.

Лёнька запрыгал вокруг брата:

— Хорошая у тебя маманька.

— За молоко?

— Точно.

Молока они получили самого расчудесного.

Тимошка выпил залпом, а Лёнька пробовал крохотными глотками. И всё-то ему надо было знать.

— Тётя Мань, это от «Поэзии»? Да? Я по жирности угадал. У неё жирность четыре и шесть!..

Домой братья шли в обнимку. Лёнька спросил:

— Будешь меня воспитывать?

— Буду.

— А чего мне давать будешь?

— Как это давать?

— Как бабушка. Она меня воспитывает? Воспитывает. Даёт сахар, конфеты, простоквашу? Даёт.

Тимошка ухмыльнулся:

— Я тоже давать буду.

— Чего?

— По шее.

Плутовские Лёнькины глаза сделались щёлочками:

— А таким воспитателям, знаешь, что за это бывает?

Тимошка уже давно нащупал в кармане конфету, но не вытаскивал. Теперь смилостивился:

— На.

Была конфета и вмиг исчезла. Лёнька облизал фантик и приклеил его Тимошке на лоб.

— Обжора ты всё-таки,— заметил Тимошка.

Лёнька смахнул фантик.

— Ну и пусть обжора. А воспитывать меня тебе не придётся.

— Почему?

— Потому что сам буду делать всё по правилам!

Впереди раздалось гулкое, призывное: «Бам! Бам! Бам!..» Это били в чугунную доску, что висела возле правления колхоза. Начинался трудовой день.

«Бам! Бам! Бам!»

Тимошка и Лёнька шли на встречу призыву.

Не чугунная доска — сама жизнь звала их:

«Бам! Бам! Бам!»

Г д е щ у к а ?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Смущён Емеля: «Вот так штука!
Куда могла деваться щука!»

Невыдуманные рассказы

ГОВОРЯТ, что рассказ, как сказку, можно выдумать. Была бы только фантазия. Эти рассказы невыдуманные, и герои их не плод воображения, а настоящие ребята, которые живут и учатся среди нас: Боря и Витя — в Ленинграде, а Лёнька в колхозе. Автор не раз встречался с этими ребятами, полюбил их и рассказывает об их делах читателям «Искорки».

Красный обоз

СКОРО Лёньку принимать в пионеры, а ростом он так мал, что колхозный кузнец Степан его и за человека в счёт не берёт. Кто такой для Степана Лёнька? Несмышлёный малыш и всё. А у Лёньки — мечта: хочет стать кузнецом!

Каждый день по нескольку раз забегают Лёнька в кузницу на весёлый стук молота. Глянет на раскалённый горн и застынет, словно зачарованный. Руки у Степана сильные, ловкие: выхватит из горна огненный штырь, а Лёньке кажется — бенгальские огни на новогодней ёлке, искры так и сыплются, так и летят в разные стороны.

День и ночь смотрел бы, как работает Степан. Интересно! Железо в его руках становится мягким, покорным. Надо — Степан его вытянет в ленту, согнёт в под-

кову или возьмёт и сделает для плуга блестящий лемех. Глядишь, и от удовольствия глаза разгораятся. Только вот беда, не смотрит Степан на Лёньку, не знает, что от его ловкой да умелой работы у мальчишки дух перехватывает.

— Эй, ты, малыш, шёл бы домой, а то смотри ненароком прижгу нос, слёз не оберёшься.

Сказал Степан, нахлобучил Лёньке шапку на нос и расхохотался, а Лёньке каждое слово будто тяжёлый удар по сердцу. Хлюпнул он носом, повернул и пошёл обиженный прочь.

— Ты что нос повесил?

— Так, ничего.

— Тебя кто обидел? — спрашивает мать.

— Нет, не обидели!

Но от матери ничего не скроешь. Глянула на Лёнькины валенки, а они в песке.

Откуда среди зимы песку быть? Догадалась и говорит:

— А ты, сынок, не горюй! Не верит Степан, что из тебя кузнец выйдет, и не надо. Иди к нам, огородницам, подыщем дело: всем сумеешь доказать, что растёшь работником.

Промолчал Лёнька. А вернулся из школы, сделал уроки и снова в кузницу. Видит, сидит Степан на бревне, горн потушен и в руках догоревшая папироса. Смекнул Лёнька, в чём дело, и — мигом собирать товарищей.

— Поднимайтесь, одевайтесь! Степану плуги ковать надо, а у него железо кончилось.

И пошли ребята на розыски по амбарам да по сара-

ям. Не успело стемнеть на улице, а у кузницы уже стоят октябратские возки, санки-самокатки горой гружённые железом, и на каждом санках по красному флажку.

Вышел Степан к ребятам, спрашивает:

— Это кто же из вас придумал такой красный обоз?

Тут октябрята плечом и подтолкнули Лёньку на середину.

— Э-э-э! — говорит Степан, — да ведь я тебя, парень, кажется, знаю.

Подошёл, нахлобучил Лёньке шапку на самый нос. Но на этот раз не выгнал, оставил около себя помощником. А за что? Догадайтесь сами!

«Не за себя реву!»

ОДНАЖДЫ третьеклассники нарисовали на листе ватмана космическую ракету. Она стремительно не-

слась к Луне. За нею летел реактивный самолёт, потом бежал автомобиль, шёл пешеход, и в самой нижней

И тут же, чтобы все видели, сняли Витину звёздочку с ракеты.

У мальчишек. крут и пылок
норов,
Трудно им хоть день прожить
без драк.
За соседним крашеным забором
Проживал Алёшкин старый
враг.

С ним, задирой, справишься
не скоро.
На краю зелёного села.
Он, расположившись за забором,
Струганные стрелы посылал.

Стрелы гнулись и врезались
в гряды,
Ранили подсолнухам глаза.
И Алёшка, на забор не глядя,
Говорил сквозь зубы:
«Вылезай!»

Притворив калитки за собою,
Добела сжимая кулаки,
Приступали к яростному бою
Верные и вечные враги.

...Только время мчится, будто
скорый.
Слышен суетливый говор

женщин,
Это там, за крашеным забором,
На машину складывают вещи.

Вечер от густых туманов мутен.
В мягких травах тёплая роса.
Только у Алёшки почему-то
Брызнула предательски слеза.

Замела, запорошила стёжки
Белых одуванчиков пурга.
...Это увозили от Алёшки
Самого любимого врага.

Рисунки Ю. Лаврухина

Т И М К А

Р А С С К А З

НА причале сидел человек. Он смотрел на дальний берег озера, откуда начинался лес, на чёрную полыню, в которой кружились ленивые льдины, вздыхал и что-то записывал в блокнот, лежавший на коленях. И совсем не заметил, как сзади подкрался другой человек — маленький, в полушубке, перетянутом ремешком, в огромных резиновых сапогах. Подкрался, тихо прокашлялся и сбоку, осторожненько заглянул в блокнот. Человек, сидевший на причале, вздрогнул. Обернулся, строго осмотрел пришельца и неохотно захлопнул блокнот.

— Ты откуда такой, мужичок с ноготок? — спросил он, поднимаясь.

— Я... Тимка. — Мальчишка оробел и на всякий случай отступил на шаг. — А вы кто? Писатель Сомов, да?

Глаза у человека, выжидающие и нахмуренные, сразу потеплели:

— А ты как догадался? На лбу, что ли, написано?

— А меня же за вами послали! Места у нас гиблые, дороги развезло. В школе ребята ждут...

— Ну, веи, раз послали.

Мальчик пошёл впереди, недоверчиво оглядываясь: неужто и вправду писатель? Разве та-

кие бывают? Писатели, те худые, в очках, с бородкой, а этот — глаза щёлочкой, щёки толстые, похож на их колхозного конюха Савелия. Особенное в нём только пальто, короткое, на молнии, с цигейковым воротником. Доброе пальто, из-под полы мех торчит, тёплое. Таких Тимка не видел.

Они вошли в лес. Между деревьями чернели лужицы, под ногами чавкала мокрая листва. Лес был голый, без листьев и весь пробивался солнцем. Просто было в нём, как в недостроенном доме, куда ещё не въезжали жильцы.

Тимка прыгнул через канаву, наполненную снегом и водой. Писатель подумал, выбрал другое место и тоже прыгнул, только неудачно — поскользнулся и зачерпнул ботинком воду.

— Вы прыгайте, где я. А то живо пропадёте.

— А я, между прочим, от машины отказался, — вытирая взмокший лоб, сказал писатель. — И, кажется, зря.

Вскоре они вышли на дорогу, подсохшую и крепкую.

— А вообще места здесь, надо полагать, красивые, не правда ли?

— Красивые, — ответил Тимка и неуверенно огляделся вокруг: он никогда не задумывался над этим. — А вы давно писатель?

Сомов пожал плечами:

— Сам уж точно не помню. Давненько. А тебе интересно?

Тимка мотнул головой.

— Небось, сам пишешь, признавайся?

— Да нет, — помялся Тим-

ка. — Стишок, правда, в стенгазету написал, а ещё умею в рифму говорить... Да это что! Я вот давно хочу знать, как книжки делаются: врут писатели или по правде пишут?

— Видишь ли, — сказал Сомов, замедляя шаг, — вопрос довольно мудрёный. Главное — это, чтобы на правду похоже получалось. Как бы тебе сказать? К правде что-нибудь от себя присочинить можно. Понятно я говорю?

— Понятно, — кивнул Тимка. — Это, наверно, как у нас ребята в брехалки играют.

— Во что? — не понял Сомов.

— В брехалки. Соберутся и давай играть на щелчки, кто кого перебрешет.

— Хм... Любопытно... А что это за штукавина такая?

— А это просто: скажешь брехалку, а тебя сбивают. Новую скажешь, а тебя опять. За каждую брехалку — щелчок даёшь, а не сумеешь соврать — сам получай. Вот и всё.

— Понятно, — протянул Сомов, хотя ничего не понимал. — Ну, а как всё-таки играют в неё — ну, там с чего начинают и так далее?

— Как щелчок получите, сразу поймёте, — усмехнулся Тимка.

— А ты их, наверно, много получал?

— Я-то? Не. Меня никто не сбивал.

— А, может, я собью?

— Давайте, попробуем, — согласился Тимка. — Только как будем играть — по-настоящему, на щелчки?

— Конечно, на щелчки. Иначе неинтересно.

— А щелчки бить с оттяжкой или простые?

— Можно и с оттяжкой, — сказал Сомов, смутно представляя себе, что это такое.

— А кто брехать будет раньше, я или вы?

— Ты, конечно. А я буду сбивать.

— Ладно, — согласился Тимка. Он закатил глаза под самый лоб, подумал немного и начал: — ...А вот у нас к соседней Дуньке заяц приехал на тракторе. Свататься, значит.

— Чего, чего? — переспросил Сомов. — Заяц на тракторе?..

— Да вы сбивайте, сбивайте, — заторопил Тимка. — Раз... Два.

— Постой, куда же ты меня гонишь?

— Три... — тянул Тимка. — До пяти сосчитаю, щелчок отхватите. Четыре...

— Ну, а, собственно, что же Дунька? — не растерялся Сомов.

— А что Дунька? Квасом угостила. Заяц кочергой закусил, захмелел и спать завалился.

Сомов хохотнул, однако тут же задумался.

— А как же это он от кваса захмелел?

— Вот так и захмелел. Что ж я вам скажу, от самогонки? Так вы мне щелчок дадите.

— Ага, ты прав, — спохватился Сомов. — Брехать так брехать. Ясно. Ну, а куда же он спать завалился?

— В печь, — не задумываясь, ответил Тимка. — А печь в это время топились, — добавил он.

— М-да, — промычал Сомов и несколько шагов прошёл в глубокой задумчивости. — И заяц, надо полагать, не сгорел?

— Так ему Дунька и даст сгореть! Такого женишка потерять — не валяются! Она его — раз! — за лапу и в бочку с водой.

— Ну и заяц, конечно, не захлебнулся?

— А с чего ему? Выпил всю воду, ещё сильнее пить захотел.

Теперь уже Сомов бодро собирался и не тратил время на размышления.

— Так откуда же у зайца трактор?

— На базаре выменял, — тут же ответил Тимка, словно давно дожидался этого вопроса. — Мужик за трактор два мешка шишек отвалил, а впридачу цельный кошель дырок от бубликов.

— А на что же мужику шишки?

— Он из них щи варил, — отбивался Тимка. — Такие наваристые — во! Гвоздей вместо соли добавишь — за уши не оттянешь! Сам ел, добавки просил.

— А дырки ему зачем? — наседал Сомов.

— Забор из них поставил.

Лучший забор на деревне! Только беда — куры поклевали...

Сомов вошёл в азарт — смеялся, одобрительно хлопал Тимку по макушке и задавал все новые вопросы. А Тимка, загигая пальцы, выдумывал все новые брехалки, одну нелепее другой. И при этом бровью не шевелил, словно не понимал, чему удивляться. Когда же Сомов узнал, что зайцы сдают по госпоставкам собственные шкурки, что лучшая еда для них — утиный крик, что есть у них даже свой сельсовет, он радостно притянул к себе Тимку и посмотрел на него так, словно тот возник перед ним только что из земли.

— Но это же чёрт знает что такое! Да с такой фантазией любого Мюнхаузена за пояс заткнёшь! Слыхал про такого?

Тимка не знал, кто такой Мюнхаузен, но спрашивать не стал и небрежно согласился.

— Это точно. Я уже больше ста щелчков впрок накопил.

— Это как же — впрок?

— А так: щелчки собираю, а бью, когда захочу. Палец ведь тоже не железный.

— А как же со мной быть? — Сомов поёжился. — Ты ведь не станешь их откладывать? А то уеду, и щелчки твои — поминай как звали.

— Не, — смутился Тимка, пряча руки за спину. — На первый раз прощается... Теперь вы брешите, может, и отыграетесь.

— Ну, мне с тобой тягаться трудно. У тебя, смотри, какой опыт, а я новичок.

— Да это же просто, —

убеждал Тимка. — Вон, видите, синичка летит? — Сомов вскинул голову кверху. — А видите, во рту колесо держит? — Сомов с усмешкой посмотрел на Тимку. — Вот синичка каркнула, колесо уронила, оно и покатилося по полю. На горку само въехало и дальше покатилося — до самой мельницы. А там всю муку перемололо, а мука сама в ситные булki испеклась. Запах такой вкусный пошёл, коровы сбежались, стали друг у друга булki отнимать, да только никому не досталось. Щуки-то в запруде булki углядели, прыг-прыг из воды, и потаскали всё

из-под носа... Ну вот, а вы теперь дальше давайте...

Тимке очень хотелось помочь писателю, но тот держался за бока и только похохатывал.

— Ах, ты! Да ну, ты! Как же они булki таскали?

— А так вот, зубами.

— Ну, а коровы что?

— Что коровы! Щуки залаяли на них по-собачьи, а те — кто куда, врассыпную.

Тимка потерял вдруг интерес к брехалкам, игра была нечестной: Сомов лишь подначивал, а сам не сочинял.

— Значит, по-собачьи залаяли?

Сомов полез вдруг в карман за блокнотом и долго записывал что-то, чмокая губами и качая головой.

— Ну, ну, а дальше?

Но Тимка не слышал его. Тимка глядел на авторучку и молчал. Ручка была толстая, как бочонок, с золотым пером. Сомов посмотрел на Тимку, потом на авторучку и прищурил глаз.

— Что, нравится?

— Ага, — вздохнул Тимка.

— Ну, тогда твоя. На!

Тимке стало жарко. Он испугался и отступил на шаг.

— Возьми, возьми! Твоя! У меня другая есть.

— За что же? — у Тимки даже голос охрип.

— За брехалки. На память.

— Да я их вам столько наго-

ворю — на возу не увезёте! Ещё ребят кликну...

— Вот, вот, — обрадовался Сомов, — веди-ка меня скорей к ребятам.

Вскоре они вошли в деревню. Над школьным стадионом, покрытым тонким ледком, с криком кружили грачи. Они с лёту прыгали на лёд и скользили на лапках, как на коньках. Деревенский воздух был как-то особенно вкусен — это был вкус льда и солнца. Сомов шурился, оглядывался по сторонам. Впереди шёл Тимка, помахивая прутиком.

На школьном крыльце их поджидали ребята.

*

А. Шибаев

Рис. Ю. Лобачёва

Коротким старческим
шажком
Шёл дед по улице

с мешком.
Весь изогнулся он дугой
Под тяжестью мешка.
И видно было: груз такой
Велик для старика.

— Лет сорок скинуть бы
долой... —

Промолвил старичок.
Услышал это молодой
Весёлый паренёк.

— Не скинуть, дедушка,
увы! —
Воскликнул горячо.

— Но свой мешок могли
бы вы

Мне скинуть на плечо.
Тряхнул мешком, рука —
крепка!

К труду, видать, привык.
Взглянули б вы

на старика —
Помолодел старик!

Песня о чёрном камне

П о в е с т ь

Ни слова не говоря, Витька побежал в дом.

— Вот что, тётя, — тихо сказал он. — Вы Глашу бить не смейте. Нехорошо обижать её. Она сирота, У неё отец на фронте погиб.

— Да разве я это — нехристь? — всплеснула руками Горпина Андреевна. — Если я шлёпну разок, так я ж, как родная мать. Кто ж её уму-разуму учить будет?

— Научится как-нибудь, — продолжал Витька. — И в церковь не водите её. Раз не хочет сама, силой не надо. Вот так, тётя.

Горпину Андреевну передёрнуло.

«Ишь, защитничек нашёлся, — подумала она. — Голь перекатная!»

— Не бойся! — сказал Витька Глаше. — Я тебя в обиду не

дам. Скоро мать приедет. Всё по-другому пойдёт.

— Да, по-другому, — вытирала слёзы девочка. — Вы уедете в свою Журавлиху, а она меня заест совсем.

— Не заест. Мы и тебя с собой заберём. У нас в Донбассе хорошо. Будешь жить с нами.

Глаша немного успокоилась.

— Спасибо, — прошептала она. — Ты славный. Мне с тобой не страшно.

Витька осторожно обнял Глашу. Нашупал на шее ворсистую нитку, разорвал её.

— В церковь не ходи, — настаивал он девочку. — Нечего тебе там делать. А это, — Витька показал на крестик, — мы подарим Машке.

Он надел крест на тёплую коровью шею. Машка доверчиво ткнулась ему в грудь. Они засмеялись.

— Вот бы поп увидал!

— Знаешь что, — предложил

Витька, когда они нахохотались вдоволь, — давай лучше снимем. Тётка обидится. Плохо это, наверное. Пусть себе молится своему богу, раз не может жить без него.

Витька снял крестик с Машкиной шеи и, размахнувшись, выбросил в оконце.

ПОЛЕВАЯ СУМКА СЕРЖАНТА СВИРИДОВА

ПОЧТУ приносили два раза в день — утром и в пять часов вечера. Акулина Андреевна задолго до срока выходила к калитке, выглядывая почтальона, голубоглазую девушку Нюру с пухлой брезентовой сумкой на боку.

— Нет вам сегодня ничего, — говорила Нюра в ответ на молчаливый вопрос Акулины Андреевны. — Завтра обязательно будет. Завсегда так: сначала нету, а потом пойдут пачками.

Она виновато улыбалась и спешила к соседнему дому.

То ли от мучительного ожидания, то ли от постоянной тревоги, Акулина Андреевна извелась вконец, Сердце, на которое она никогда не жаловалась, ни с того ни с сего замирало. Дышать становилось трудно. Ноги отказывались служить. Она слегла.

Зашла провести Галина Тарасовна Оникко и заохала.

— Да на вас же лица нет! Надо немедленно врача вызвать!

— Спасибо. Ни к чему это. Отлежусь как-нибудь. Скажите, лучше, что слышно, какие новости?

— Какие там новости! — пожала плечами Оникко. — Всё от-

ступают. Скоро доотступаются до Журавлихи.

Акулину Андреевну покоробили слова Петькиной матери. Всё же она спросила:

— Что же делать, Галина Тарасовна? Подаваться отсюда? Как бы к немцам в лапы не угодить...

— Не знаю, как вы, а я ехать никуда не собираюсь. И немцы люди. В газетах пишут, что все они изверги и душегубы. А я не верю. Живи тихо, не трогай их, и они не тронут тебя. Всё-таки культурные люди.

Акулина Андреевна только и сказала:

— Ну и ждите своих немцев. А ко мне ходить незачем. Обойдусь. — Она отвернулась к стене, давая понять, что не имеет желания продолжать разговор.

«Вот тебе и большевичка! — подумала она про Галину Тарасовну. — Активисткой была. Председатель женсовета. Хоть бы соседей постыдилась. Верь людям после этого!..»

Удивилась перемене, происшедшей с Петькиной матерью, и Наталья Петровна Черепанова.

— Я бы ей, старой стерве, все волосы повыдергала. Губы красит. Брови выщипывать стала. Для кого, спрашивается? Если немец и придёт сюда, так ненадолго ж. Прогонят, как в восемнадцатом. Посмотрим, что она тогда запоёт.

От Черепанова тоже давно не было весточек. В середине июля написал, что легко ранен и лежит в госпитале. С тех пор — ни строчки.

Обе женщины посетовали на горькую бабью долю. Немнож-

ко всплакнули. Наталья Петровна убрала в комнатах, принесла свежей воды, заварила чай.

— Знаешь что, Акулина, пока ты хвораешь, я у тебя жить буду, — предложила Черепанова, когда они наговорились досыта. — А то тебе и воды подать некому. Схожу домой, возьму что надо — и мигом обратно.

Акулина Андреевна закрыла глаза и забылась в беспокойном предвечернем сне. Разбудил её громкий стук в дверь. На пороге стояла Нюра.

— Можно к вам? Вот видите, напрасно вы волновались. — Она положила на стол пакет. — Посылка. От мужа, видеть.

— Спасибо, милая, — сказала Акулина Андреевна, поднимаясь с кровати. — Я уж не знала, что и думать.

Нюра отказалась от чая и легко вскинула на плечо свою толстую сумку.

— За ответом приду завтра. Прощайте!

Акулина Андреевна дрожащими руками разорвала пакет. Из него выпал лист нелинованной бумаги.

Письмо было не от Захара Дмитриевича...

Батальонный комиссар сообщал, что её муж сержант Захар Свиридов в бою под Гомелем пропал без вести. Он пересылает всё, что от него осталось, — полевую сумку. Ещё там было написано, что сержант Захар Свиридов был отличным бойцом-пулемётчиком, беззаветно преданным Родине. За проявленную в боях отвагу он был представлен к правительственной награде...

Акулина Андреевна, охнув, осела на пол. Сердце стремительно полетело вниз, перед глазами запрыгали оранжевые шары. Наталья Петровна с трудом подняла её и уложила в постель. Акулина Андреевна выпила валерианки и пришла в себя.

Она попросила полевую сумку. В ней лежали: бритвенный прибор, осколок зеркала, тряпочка и протирка для чистки оружия и начатое письмо, сложенное треугольником:

«Дорогие мои жена Акулина и сынок Витя! Я жив и здоров...»

На этом оно обрывалось. Больше в сумке не было ничего. Акулина Андреевна перевернула её и оттуда выпал маленький, величиной с горошину, кусочек антрацита.

— Ты поплачь, поплачь, — уговаривала её Наталья Петровна. — Тебе сразу полегчает...

Но слёз не было.

Акулина Андреевна встала, неторопливо оделась.

— Поеду я, — сказала она. — Нечего мне сидеть здесь.

Наталья Петровна уговаривала её обождать, пока не пройдёт болезнь, но Акулина Андреевна оставила её доводы без внимания. Потеряв мужа, она боялась потерять и сына. Все мысли её уже были в Овражках.

В тот же день Журавлиху покинул ещё один человек. Это был Петька Онипко. Только путь его лежал не на восток, а на запад, туда, где громыхали орудия, где ждали Петьку великие подвиги и бессмертная слава...

ДОМОЙ

ТЁТКА Горпина взяла Витьку на базар в Семизёрки. Он уселся в бричке на мешки, туго набитые картошкой, подсолнухом и кукурузной мукой. Горпина Андреевна правила волами, хрипло покрикивая на них: «Цоб! Цобе!» Волов она выпросила в сельсовете.

Витька ехал на станцию впервые. Тётка наставляла его:

— Пока я буду торговаться, ты с воза не слазь. Гляди в оба, чтобы мешки не порезали и не спёрли чего. Много шляется всякого сброда. Намедни у церковного старосты живого кабанчика из-под носа стянули.

Витька хмыкнул в кулак. Новость обрадовала его. Церковным старостой был тот самый дед с благообразной бородой, который недавно выдрал Витьку. Так ему и надо, жадюге! Пусть знает, как драться ни за что ни про что!

На базарной площади было тесно и шумно.

Тётка Горпина развернула воз и втиснулась в толпу.

— Мука, подсолнухи, картошка! — закричала она, засучивая рукава. — Мука, подсолнухи, картошка!

Несмотря на небывало высокие цены, от покупателей не было отбоя. Горпина Андреевна совала смятые ассигнации за пазуху. Кукурузную муку отмеривала стаканами — пятнадцать рублей пара. Картошку продавала на кучки. Подсолнечное семя шло вёдрами — на постное масло.

Мешки опоражнивались быстро. Через три часа Витька сидел почти на дне брички. Никто

не пытался обокрасть тётку, и Витьке почему-то стало досадно. Он спрыгнул и пошёл на станцию.

На узлах и чемоданах сидели женщины, старики, дети. Попадались и военные с рукой на перерези или с костылём. Возле них толпился народ. Говорили о последней сводке Совинформбюро, обсуждали положение на фронтах.

— Наши подпустят их к самой Москве, — рассуждал вслух человек с забинтованной головой, — а потом и схватят в клещи с обоих боков. Вот и выйдет фрицу капут по всей форме.

Забинтованного слушали с большим вниманием: всего десять дней назад он был там, где шли кровопролитные бои.

— Помяните моё слово, — продолжал он, — зимою наши пойдут в наступление. Не выдюжит немец, побежит аж до Берлина...

Витька послушал, послушал и от этих речей ему стало легче. Но тут он вспомнил об отце и снова загрустил. Что с ним? Не сидит ли он где-нибудь в эту минуту на своём сундучке, как и этот с забинтованной головой?

Витька подошёл к путям. Паровоз, фыркая паром, набирал воду. На промасленных шпалах валялись куски угля. Витька подобрал самый большой и повертел в руке.

«Чёрный камень, ах, чёрный ты камень,

Мы навеки сроднились с тобой...»

— Где ты пропадал? — набросилась на Витьку Горпина Андреевна. Она уже закончила торговлю и закусывала, разло-

жив на передке хлеб, лук и колбасу. — Я и то подумала: не сбежал ли?

Витька не ответил. Он взял кусок зельца и стал жевать. Тётка Горпина прикрикнула на волов, и они тронули в Овражки. Добрались, когда уже совсем стемнело. Витька отказался от ужина и полез на печку.

На зорьке в обычное время пригнал коров на выпас. Его ждал Серёга. Он стащил с головы шапку и с гордостью сказал, показывая на уши:

— Видишь? А ты говорил, что характера не хватит. — Серёгины уши распухли и были вдвое больше прежнего.

— Горят... Мать надрала. Красные, да? Я ей так и сказал: в церкву не пойду. И крест выложил. А она как вскочит! Как схватит! Что было!

— Плакал? — спросил Витька.

— Под конец маленько пришлось. Больно крепко дёргала. Потом увидела, что реву, и сама в слёзы. Ты не думай, она у меня не злая. Это всё от дур-

мана. А тут ещё похоронка про отца пришла. Ладно, говорит, бог с тобой. Ты теперь сам, говорит, в хате хозяин.

— А я решил домой подаваться, — неожиданно сказал Витька. — В Журавлиху.

— Может, подождал бы мать?

— Когда она ещё соберётся? Нет, завтра и подамся. Доеду как-нибудь. Я коров пригоню, а ты с ними до вечера побудешь, ладно? Чтобы тётка не хватилась.

— Мне-то что? Конечно, побуду. Зря ты это затеял. Вдруг с матерью разминёшься?

— Не разминусь, — стоял на своём Витька.

Всю ночь он сопел, ворочался на печке и думал. На душе было беспокойно. Поутру встал хмурый. Сунул в карман ломоть хлеба и две луковицы. Больше брать у тётки не захотел ничего.

— Проводи меня до ворот, — сказал он Глаше.

Узнав, что Витька уходит совсем, она заплакала.

— А как же я? Говорил в Журавлиху меня возьмёте...

— И возьмём, — заверил Витька. — Сказано возьмём, значит, возьмём. Война скоро закончится. На станции один военный говорил. Он знает. Зимой немцам каюк будет. Приеду за тобой весной и заберу

— Смотри, Витя, не бросай меня здесь одну. — Глаша потянулась к Витьке и поцеловала его в щёку. — Я тебя ждать буду.

— Тётке вечером скажешь: уехал, мол, домой. Пусть не тревожится зря.

Глаша стояла на пригорке, пока Витька не скрылся из виду.

Прощание с Серёгой было не долгим. Они крепко пожали друг другу руки, и Витька зашагал к Семизеркам, сшибая прутиком коробочки болиголовы.

Вслед ему несло грустное коровье мычанье: Машка тоже прощалась со своим маленьким пастухом.

ПУТИ-ДОРОГИ

НОЧЬЮ Витьке удалось сесть в поезд. Он мало походил на тот, в котором Витька прибыл в Семизерки. Эшелон был составлен из товарных вагонов, приспособленных для перевозки людей. Такие вагоны называли теплушками. Услышав паровозный гудок, Витька шмыгнул в первую попавшуюся дверь. В потёмках никто не заметил его. А может, всем было не до Витьки. Он забился под нары и проспал до утра.

А утром выяснилось, что он едет не в ту сторону, не приближаясь к дому, а удаляясь от него.

Витька слез на каком-то полустанке. Но поезда здесь почему-то больше не останавливались. Захотелось есть. Он пожалел, что не прихватил у тётки харчей на дорогу.

К вечеру Витька не выдержал и пошёл по шпалам в Семизерки. Он узнал, что до них всего двадцать пять километров. Пришёл на станцию лишь на рассвете, еле волоча разбитые ноги. В скверике лёг на широкую скамью и проспал до

двенадцати часов дня. Проснулся от голода.

Есть хотелось всё больше. Не вернуться ли в Овражки? Прийти и сказать: пошутил, мол, Горпина Андреевна, извиняйте. Больше не буду...

На первом пути стоял воинский эшелон. В теплушках, свесив ноги, сидели красноармейцы. Где-то в голове состава пиликала гармонь. Вдруг заиграл горн, и по всему эшелону прокатилась протяжная команда: «По ва-го-нам!» Звякнули буфера, и поезд тронулся.

Витька на ходу вскочил в тамбур предпоследнего вагона. Он был пустой. На остановках Витька выходил и, как ни в чём не бывало, прогуливался по перрону, а затем снова вскакивал на подножку. Вскоре его обнаружил молодой командир с двумя кубиками на петлицах.

— Далеко едешь, вояка? — спросил он и улыбнулся.

Витька рассказал всё начистоту. Командир повёл Витьку вдоль состава. Возле третьего от паровоза вагона он остановился!

— Эй, Дерюгин, принимай пополнение!

Командир передал Витьку красноармейцам. Те дали ему котелок гречневой каши и полкирпичика хлеба.

Витьку умыли и отвели место на верхних нарах у квадратного окошка. Красноармейцы пели украинские песни, а Витька смотрел в окно и считал телеграфные столбы. Чем больше столбов оставалось позади, тем ближе, думал он, становился дом.

В Ясиноватой они выгрузились из вагонов и построились в длинную колонну. Эшелон расформировался. Витька распрощался с красноармейцами и стал гадать, как ему быть дальше.

В пассажирский состав грузили раненых. Их несли на носилках. На них были повязки, густо пропитанные кровью. Многие стонали и метались в бреду. У одного обе руки были в гипсовых лубках. Он не хотел ехать и надрывно кричал:

— Куда вы меня тащите? Где комиссар? Дайте хоть помереть по-людски!

— Эй, малец! — окликнул Витьку санитар. — Подбери шинельку.

Витька укрыл раненого шинелью до самого подбородка. Тот закрыл глаза и затих.

Витьке нашлась работа. Он носил медикаменты, поил раненых из алюминиевых котелков, кормил их с ложки бульоном, сворачивал самокрутки. Витька сделался нужным человеком. Все обращались к нему за помощью. У него не было минутки, чтобы перевести дух. Он совсем сбился с ног.

Главный врач, проходя по вагонам, спросил у медсестры, указывая на Витьку:

— Это что за посторонние?

Медсестра замялась. Вместо неё ответил боец с перебитыми ногами.

— Он не посторонний вовсе. Это наш пацан милосердия. Нехай едет. С ним веселей.

Главврач сделал строгое лицо:

— Смотри, чтоб был полный

порядок. А то на гауптвахту отправлю. Понял, пацан милосердия?

В Дебальцеве Витька вышел из вагона, чтобы немного размяться и носом к носу столкнулся с Петькой Оникко. На нём была красноармейская пилотка со звездой. За поясом торчали четыре стреляные гильзы. Вот так встреча!

— На фронт еду, — важно сказал Петька, вытащив зачем-то из-за пояса гильзу. — Айда со мной! Фашистов будем бить. Очень даже просто.

Витьку тянуло домой. Он боялся разминуться с матерью. Но показаться в глазах товарища трусом тоже не хотелось.

Раненые насовали ему в вещевой мешок сухарей и хлеба. Кто-то положил банку рыбных консервов. Отсюда эшелон уходил на восток.

— Я нашу шахту копал до последнего дня, — сообщил Петька новости. — Глубокая она теперь. Метра три. До угля, видать, совсем чуточку осталось. Нинка уехала с отцом. Эвакуировалась. Просила тебе привет передать, если встречу на фронте. И письмо вот...

В конверте лежало разноцветное ракшиное пёрышко, перевязанное голубой ленточкой. Как давно-давно всё это было: школа, шахта имени ВП, рыбалка и весёлый, всё умеющий делать отец... Витька повертел пёрышко в руках и бросил с насыпи вниз. Плавню кружа, оно опустилось на рельсы.

Витька развязал мешок, и они принялись за еду. Возле них остановился мальчик с выгорев-

шим пионерским галстуком на рубашке.

— Есть хочешь? — спросил Витька.

Мальчика звали Борисом. Он ехал из Кишинёва. Их эшелон стоял на четвёртом пути.

Борис взял сухарь и неторопливо съел его.

— Бери ещё!

— Я лучше немного возьму с собой. Хорошо? У меня там два младших брата...

Где-то ухнуло. Залаляли зенитки. Небо озарилось яркой вспышкой.

— Опять бомбят, — спокойно сказал Борис. — Пошли. Я знаю, где есть хорошая щель.

ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК БОРИСА

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ узел был забит составами. Санитарные — с красными крестами на крышах. Открытые платформы с размалёванными для маскировки орудиями. Теплушки с беженцами. Всё это перемешалось на путях в один сплошной клубок без начала и конца.

Витька и Петька толкались на вокзале, выуживая новости у пытавшихся уехать людей. Говорили всякое. Каждый придумывал на свой лад. Толком никто ничего не знал. Где фронт, откуда наступают немцы — было неизвестно. За сутки из Дебальцева не вышел ни один поезд. Кто-то пустил слух, что разбомбили подъезды к станции.

— Да, попали мы в переделку, — пробормотал Витька. —

Затвердил: на фронт, на фронт...
Вот тебе и фронт!

Выгрузился воинский эшелон. Молодые, безусые бойцы зашагали по дороге, ведущей на юго-запад. Витька и Петька построились в хвост колонны.

— А ну, мальцы, живо по домам! — крикнул командир взвода, заметив их. — К маме под юбку. Без вас делов хватает!

Ночевали они под навесом у пакгаузов. Настилали соломы, сверху покрывались красноармейской шинелью, подобранной в кювете. Ели что придётся: обрывали в пристанционных садах последние яблоки, рыли картошку в огородах, растерявших своих хозяев.

В этих набегах их сопровождал Борис. С ним подружились быстро, словно знали его давно-давно, ещё по школе. Борис никогда не разлучался со своим галстуком. Кажется, он и спать в нём ложился. На галстуке был металлический зажим с облупившимися языками пламени.

— Завидую я вам, — проговорил Борис, и глаза его стали ещё печальнее. — На фронт едете...

— А ты давай с нами, — предложил Петька. — Разведчиками будем. Как в картине «Красные дьяволята». Очень даже просто.

— Нельзя мне. На руках двое малышей. Мать одна не управится с ними.

Витька шмыгнул носом.

— Ты чего? — удивился Петька.

— Ничего, — ответил Витька и отвернулся. — Айда картошку рыть.

На этот раз они забрались далеко в глубь огородных наделов. Разделились и начали ковырять землю сапёрными лопатками. Витьке и Петьке не попадалось ничего. Зато Борис напал на целые россыпи.

— Скорее сюда! — закричал он.

Трудно было поверить. Небольшой клочок огорода был совершенно не тронут. Борис загонял в землю штык сапёрной лопатки, переворачивал и сверху оказывалось пять-шесть крупных картофелин.

— Да тут на весь эшелон хватит! — обрадовался он.

За час накопили пуда два.

— Кончаем, — сказал Петька. — Снесём беженцам и придём опять.

Но Борису уходить не хотелось, словно он боялся, что в их отсутствие всё это богатство исчезнет.

— Покопаем ещё, ладно? Люди давно не ели досыта. Можно взять котёл и сварить на всех... Витька задрал голову.

Откуда-то сверху послышался нарастающий гул.

— Летят, гады. Бежим в канаву!

В небе гусиным клином шли немецкие самолёты. Мальчики научились безошибочно распознавать их по тупым носам, по зловещим чёрным крестам и даже по рокоту моторов. Самолёты сейчас были над станцией. От них отделились точки, похожие на подсолнечные семечки. Это были бомбы. Воздух сотрясли оглушительные взрывы. Бомбардировщики сделали ещё несколько заходов, сбрасывая

свой смертоносный груз. Зенитки открыли запоздалый огонь, и самолёты повернули назад.

— Всё, — мрачно сказал Борис. — Можно продолжать.

Он вылез из канавы и побрёл по полю. Самолёты проходили над огородами. Внезапно один из них вошёл в пике. Нарастающий рёв рвал барабанные перепонки, заставлял сердце колотиться изо всех сил.

— Ложись! — закричал Витька и увлёк Петьку на дно канавы.

Самолёт вышел из пике, на бреющем полёте дал несколько очередей, развернулся и стал набирать высоту.

Витька и Петька вылезли из канавы. Борис всё ещё лежал.

— Не бойся, — засмеялся Петька. — Они уже улетели. Вставай!

Борис не поднимался. Он лежал на спине. Глаза его были раскрыты. С левой стороны на рубашке алело пятно. Оно всё увеличивалось. Выцветший галстук Бориса снова сделался ярко-красным.

— Кровь, — прошептал Витька, и к горлу его подступила горячая волна.

Он приложил ухо к груди Бориса: сердце не билось. Борис был мёртв.

— Надо найти его мать, — сказал Витька. — Пошли.

Станцию невозможно было узнать. Посреди путей зияли глубокие воронки. Длинные языки огня облизывали шпалы, товарную платформу, стены вокзала. На том месте, где стоял эшелон беженцев, громоздилась груда обгоревшего железа. Оставшиеся целыми вагоны были пусты. Люди, не захватив да-

же скарб, ушли в степь, на восток. Пахло гарью.

Издали доносились винтовочные выстрелы и трескотня пулемётов. Там шёл бой. На станции не было ни души.

Мальчики вернулись к Борису. Возле семафора Петька подобрал наган. Он спрятал его в карман.

Борис лежал, как живой. Кровь уже запеклась. Казалось, что он просто прилёг отдохнуть, запрокинул голову, смотрит в небо и мечтает. Хорошим товарищем был этот Борис! До последней минуты он думал о людях, хотел, чтобы они были сыты и счастливы.

Витька попробовал вытащить из правой руки Бориса картофелину, но пальцы не разжимались. Так они и похоронили его. В холмик воткнули лопатку, перевязав её пионерским галстуком Бориса.

Оглядываясь на могилу друга, они пошли в степь.

— Куда же теперь? — спросил Петька. — Слышишь, палат. Боязно как-то... Ещё убьют. Очень даже просто.

— Будем пробиваться домой, — сказал Витька. — А там посмотрим. Нельзя матерей оставлять одних. Давай сюда револьвер.

— На, — с готовностью согласился Петька. — Только не насовсем. Сначала пусть у тебя побудет, а потом у меня.

Весь день они шли по степи не разговаривая. Гудели босые, израненные ноги. Мучила жажда. Пить хотелось больше, чем есть. А до Журавлихи было ещё очень далеко. Когда стемнело, они залезли в скирду и заночевали в ней.

«ГЛАВНОЕ — СЕРДЦЕМ ВЕРЬ!»

АКУЛИНА Андреевна добралась до Овражек и слегла. Исчезновение Витьки лишило её последних сил. Она то металась в бреду, шепча бессвязные слова, то целыми днями лежала неподвижно, уставясь в одну точ-

ку. Она отказывалась от еды, на все вопросы отвечала лёгким поворотом головы: нет, мол, не хочу...

Тётка Горпина сбилась с ног, ухаживая за сестрой. Она не спала ночей, ходила за лекарствами в Семизерскую аптеку, дважды привозила из города седенького врача. При этом Горпина Андреевна не жалела ни денег, ни продуктов. То ли она смутно чувствовала вину перед сестрой, то ли горе, обрушившееся на Акулину Андреевну, задело и её, только тётку Горпину трудно было узнать.

— У Шестопаловой Марьи, — успокаивала она сестру, — тоже мужик потерялся. А ныне объявился: в госпитале лежит, оказывается. Может, и с Митричем, бог даст, так выйдет...

Без руки пришёл в Овражки Пантелей Корнеевич, Серёгин отец.

— Видишь: даже с того света повертаются, — сказала тётка Горпина. — Нынче бумажкам никакой веры нет. Написали, что пал геройской смертью, а он живёхонек. Да ещё с орденом. Без руки, правда. Да что рука — лишь бы голова целой была.

Чтобы ещё больше успокоить Акулину Андреевну, она пригласила Серёгина отца в гости. Пантелей Корнеевич вежливо поздоровался, оправил левой рукой гимнастёрку и присел на край скамьи.

— Таких, как твой, — рассудительно сказал он, — теперь тысячи. Как от части отбился или, скажем, в окружение угодил — уже и без вести пропавший. Меня, к примеру, жена

давно в мыслях схоронила. Даже молебен, будь она неладна, отслужила. За упокой души. А я вот сижу подле тебя и ничего мне не случилось. Верить надо и не пускать в сердце нудьгу. Глядишь, и сыщется муженёк-то.

•Выпив стакан самогонки и закусив коркой хлеба, Пантелей Корнеевич поблагодарил за гостеприимство и стал собираться.

— Главное — сердцем верь, — сказал он уже в дверях. — И к делу какому-нибудь приспособь себя. Выздоровеешь — заходи, потолкуем...

Надежда снова затеплилась в душе Акулины Андреевны. С того дня она пошла на поправку. Она всем сердцем поверила в то, что Захар Дмитриевич жив и рано или поздно разыщет её в Овражках.

О Витьке она тревожилась не меньше, чем о муже. Витька тоже ведь пропал без вести. Кто знает, где он сейчас? В Журавлихе уже немцы. Добрался ли он до посёлка? Если нет, то кроме Овражек ему деваться некуда. А если успел, значит, теперь под немцами. Ох-хо-хо, и так плохо и по-другому не лучше. Куда ни кинь — всюду клин...

В отсутствие тётки Горпины у постели больной дежурила Глаша. Акулина Андреевна без конца расспрашивала девочку: вспоминал ли Витька о матери? Скучал ли о доме? Что ел? В чём был одет, когда ушёл?

Глаша рассказывала ей всё до мельчайших подробностей: и как скотину пас, и как заступался за Глашу, и как уходил в Семизерки. Не утаила и про кре-

стик, повешенный на Машкину шею.

— Вот сорванец! — улыбнулась Акулина Андреевна. — Тётке хоть не проговорись...

— Витя не пропадёт, — убеждённо сказала Глаша. — Он же пообещал вернуться и забрать меня с собой в Журавлиху. Если Витя пообещал — обязательно сделает. Он у вас такой. Как закончится война, так и приедет.

Акулина Андреевна проследила.

— Умница ты моя славная. Конечно, приедет. Мы с тобой теперь вроде как обе солдатки. Ничего нам не остаётся делать, как ждать своих мужиков...

ЕСЛИ бы люди могли видеть сквозь все преграды, на любое расстояние, гораздо бы легче стало на сердце у Акулины Андреевны!

Туманной предрассветной порой различила бы она вдалеке железнодорожную насыпь, немецкого часового, патрулирующего свой участок, человека в промасленной телогрейке, крадущегося к полотну. Стук башмаков часового уходит всё дальше. Человек в телогрейке приник к рельсам. Финским ножом он роет ямку в мёрзлой земле и кладёт в неё железный ящичек. Работа закончена, и человек неслышно скатывается с насыпи. Часовой ногами отсчитывает шпалы. Он беспечно насвистывает тирольскую песенку. Ему зябко и тоскливо. Подрагивают чуткие рельсы. Темноту пререзает луч прожектора. Часовой отходит в сторо-

ну, давая дорогу эшелону. Паровоз поравнялся с часовым. Он видит худое, сосредоточенное лицо машиниста. Рядом с ним стоит немецкий солдат. Часовой приветливо машет собрату по оружию. Вдруг яркая молния ослепляет его. Он уже не видит, как под откос летят танки и орудия, не слышит, как рвутся снаряды... А в рощице, метрах в ста от полотна, человек в промасленной телогрейке вытирает пот со лба, вскакивает и бежит по направлению к лесу. Да, это он — пропавший без вести сержант Захар Свиридов. После боя под Гомелем его подобрали белорусские колхозники, отходили и переправили к партизанам. Пулемётчик Захар Свиридов стал подрывником. Это уже не первая его диверсия...

А если повернуться на другую сторону и взглянуть в темноту, можно разглядеть силуэт террикона. Это она, родная Журавлиха. Два мальчика крадутся к окраине посёлка. Вот они скрылись в овраге.

— Давай револьвер сюда, — говорит один из них. — Он мне теперь нужнее. Очень даже просто...

— Ладно, бери, — вздохнув, отвечает другой, — ты же его нашёл.

Вскоре они выбираются из оврага и, обходя посты, растворяются в сумерках...

Если бы люди могли видеть сквозь все преграды, на любое расстояние! Гораздо легче стало бы на сердце у Акулины Андреевны. А вместе с тем — и тревожней. Потеряла бы она сон да только б и думала: не

случилась ли беда этой ночью с Захаром Дмитриевичем? Не попал ли Витька в руки к лёгким на расправу немцам? Нет, уж лучше пусть Акулина Андреевна не видит всего этого. Пускай просто верит и знает, что её муж и сын здоровы и невредимы и, как только закончится война, обязательно разыщут её в Овражках...

Выздоровев окончательно, Акулина Андреевна пришла в правление колхоза.

— Дайте какую-нибудь работу!

Пантелей Корнеевич вышел из-за председательского стола и протянул левую руку.

— Выдюжила? Ну вот и ладно. А остальное приложится. Главное — сердцем верь.

Подумав, Серёгин отец спросил:

— За птицей ходить умеешь?

— Приходилось.

— Тогда принимай птичник.

Жена донецкого горняка Акулина Андреевна Свиридова сде-

лалась колхозной птичницей, а маленькая Глаша — её верной и добросовестной помощницей.

ПОДВИГ ПЕТЬКИ ОНИПКО

ПРОШЛО три месяца, как ребята вернулись в Журавлиху. В доме у Петьки поселились немцы: сухопарый, всегда подтянутый офицер и его вестовой Ганс. Петька отмалчивался и почти не разговаривал с матерью.

Ганс был не очень злым немцем. Он приносил откуда-то продукты: консервы, колбасу, хлеб, сахар. Иногда — живую птицу. Колол дрова, убирал в комнатах, готовил обед. Засучив рукава, он по-хозяйски возился в доме, наигрывая на губ-

ной гармошке. По-русски Ганс знал всего несколько слов.

— Мальщик, — подзывал он Петьку, когда они оставались одни.

Затем Ганс переходил на немецкий.

— Иди сюда. Да не бойся. Я же не укушу тебя.

Петька нехотя подходил.

— Отец есть у тебя? Пони-маешь: «па-па»? — вставлял вестовой русское слово.

Петька не отвечал.

— Ну, не хочешь говорить и не надо, — вздыхал немец. — На вот тебе!

Петька брал шоколадку, даже не поблагодарив Ганса.

Немец доставал из нагрудного кармана губную гармошку, и за-

бавно играл на ней, смешно раздувая щёки. Петька еле сдерживал улыбку, но продолжал молчать.

— Ладно, иди, — махал рукой Ганс. — Понимаешь: гу-ляйт?

Петька спешил к Наталье Петровне Черепановой, у которой жил Витька.

Зато офицер был злой. Он бил Ганса по лицу, если сапоги были плохо начищены или вода для бритья недостаточно тёплой. Перепадали подзатыльники и Петьке. Мать называла офицера «господин оберлейтенант» и любезничала с ним по вечерам, разливая чай. Офицер называл Галину Тарасовну «фрау» и обращался к ней только по-немецки, хотя неплохо знал и русский язык.

Галина Тарасовна работала в каком-то военном учреждении и даже носила форменную куртку. От неё отвернулись соседи, перестали здороваться знакомые.

За всё это Петька возненавидел мать. Он пытался поговорить с нею, но она уклонялась от разговора.

— Так надо, сынок. Тебе этого не понять. Постарайся быть с офицером поласковее. Мы теперь зависим от немцев, ничего не поделаешь...

Иногда среди ночи Галина Тарасовна подходила к Петькиной постели, осторожно, чтобы не разбудить, целовала и гладила его. Петька чувствовал на губах солоноватый привкус и просыпался. Сжавшись в комок, он не отвечал на ласки матери, а когда она отходила, начинал потихоньку всхлипывать. Что случи-

лось с матерью? Зачем она пошла на службу к фашистам? Почему она, не переставая быть родной, сделалась вдруг такой чужой и далёкой для Петьки? Петька так и засыпал на мокрой подушке.

— Надо уходить, — сказал он Витьке.

— Опять на фронт? Насолить им можно и здесь, — ответил Витька. — Только умеючи. А то попадётся за так. И никому от этого пользы не будет. Нас уже четверо: ты, я, Ванька Козёл и Шурик Орлов. Револьвер есть. Постараемся достать оружие. А пока выпустим листовку.

На следующий день на заборах запестрело несколько листов, вырванных из школьной тетради. В них говорилось:

«Товарищи! Не верьте немцам. Они брехуны и жулики. Наши выгонят их в три шеи. Всем фашистам будет каюк. Штаб».

По улицам прошёлся Степан Черногуз — он был за старшего среди местных полицаев — и его подручные сорвали листки. Их даже никто и прочесть не успел. За измену родине «штаб» приговорил его к смертной казни.

Случай помог ребятам. Под вечер Ванька Козёл отстегнул у спящего пьяного немца ручную гранату с длинной деревянной ручкой. Она была похожа на бутылку. Ваньке же и поручили привести приговор в исполнение.

Но граната, брошенная в форточку полицейской комендатуры, не взорвалась. Ребята не знали, что без запала она совершенно безопасна...

ПЕТЬКА проснулся и прислушался. Из комнаты матери доносился какой-то шум. Он вытащил из-под подушки револьвер и на цыпочках подкрался к двери. Она была закрыта плотно.

Галина Тарасовна в изорванной рубашке стояла в углу. Лицо её было окровавлено. Четверо немцев допрашивали её по-немецки. Среди них был и «господин оберлейтенант». Мать молчала. Тогда оберлейтенант стал задавать ей вопросы на русском языке.

— Кому ты передавала сведения о наших войсках? Где партизаны??

Галина Тарасовна отвернулась. Оберлейтенант ударил её плетью.

Петькино сердце готово было выскочить из груди. Он прицелился и сильно нажал на спусковой крючок. Потом ещё и ещё. Немцы заметались по комнате. Один из них упал, неловко раскинув руки. Петька расстрелял все патроны и бросился на кухню, прыгнул с подоконника, упал в снег и снова вскочил. Тут его и настигла посланная вдогонку пуля. Петька прошептал: «Мама!» И глаза его закрылись навсегда.

Галину Тарасовну вытолкали на улицу и босую, окровавленную повели в гестапо. Она шла по снегу, словно по битому стеклу. Её подгоняли прикладами.

Петьку положили на сани и повезли к шурфу. Там он и нашёл свою могилу.

«ГОРНЯКИ — ЭТО СМЕЛЫЕ ЛЮДИ!»

НЕТ больше Петьки...

Витька не смог свыкнуться с мыслью, что он никогда не услышит привычное «Очень даже просто», не увидит весёлой улыбки друга.

Петька мечтал о подвигах. Вот он и совершил свой первый в жизни подвиг. Первый и последний...

Наталья Петровна успокаивала Витьку, как могла. Но она и сама то и дело прикладывала к глазам платок. Ей было совестно, что она нехорошо думала о Галине Тарасовне. Вот как бывает иной раз: считаешь человека подлецом, а на поверку выходит, что ты ничего не понимаешь.

Стало известно, что Петькиной матери вместе с другими товарищами-подпольщиками и удалось бежать из городской тюрьмы. Немцы пообещали крупную сумму тому, кто укажет, где она скрывается. Но всё было напрасно: Галина Тарасовна словно в воду канула.

Однажды Витька услышал осторожный стук в окно.

— Кто там? — с тревогой спросила Наталья Петровна. — Что вам нужно?

Потом всё стихло.

Через час она подошла к Витьке.

— Не спишь? Пойдём со мной.

В комнате сидел какой-то человек. Приглядевшись, Витька узнал дядю Колю. Он был в высоких кирзовых сапогах, ватнике и шапке-ушанке.

— Как поживаешь, Витька?
Как твои дела?

— Да вы не тяните. Говорите сразу, что нужно.

— Вон ты какой стал, — удивился Черепанов. — Ладно. Не будем играть в прятки. Слышал, что немцы собираются откачать шахту?

— Слышал...

— Ну, и как ты на это смотришь?

— Что ж тут смотреть?

— Неужто тебе всё равно, если фашисты в нашей шахте уголёк рубить станут? Неужто не хочется помешать им?

У Витьки загорелись глаза.

— Конечно, хочется. Но как?

— Слушай сюда. Есть один

план. Они уже выписали из Германии насос. Не сегодня-завтра его привезут. У ствола караулит дед Матвей.

— Школьный сторож?

— Ну да, — улыбнулся Черепанов. — Только он там так — для близиру. Шахтный двор охраняет с десятков фрицев. Так вот тебе задание: утром придёшь к воротам и скажешь, что ты внук деда Матвея. Принёс ему завтрак. И в обед узелок снесёшь. И так будешь делать каждый день. Наталья Петровна приготовит.

— И всё? — разочарованно спросил Витька.

— Пока всё, — твёрдо сказал Черепанов. — А о том, что видел меня, — никому. Понял?

У ворот Витьку остановил часовая.

— К дедушке я, — захныкал Витька. — Завтрак принёс...

От ствола замахал руками дед Матвей: это ко мне, мол. Вну-ченок.

Дородный немец ощупал Витьку всего и развязал узелок.

— Яйка! — обрадовался он, увидев яичко, и сунул его в карман. — Проходи!

Витька отдал деду завтрак. Прошла неделя. Его пускали без всякого, но каждый раз тщательно обыскивали.

Насос прибыл. Немцы распахивали его и устанавливали над стволом. От Черепанова никаких вестей не было.

— Откачают, ироды, — хмурился дед, сидя в своей будке. — Опустят в ствол и откачают...

— Дедушка, а отчего там вода? Раньше ведь не было.

Дед Матвей поставил дробовик между ног, раздавил валенком окурки.

— Видишь ли, сынок, шахта так устроена, что, когда люди перестают в ней работать, её заливает.

Через два дня насос заработал.

— Что ж это будет? — спрашивал Витька у Натальи Петровны, но та и сама ничего не знала.

Как и в тот раз, Черепанов появился перед рассветом.

— Плохи наши дела, Витька, — сокрушался он. — Взрывчатки достать не удалось. Да и не пронести её вам. Остаётся один выход.

Дядя Коля подбросил на ладони два напильника:

— Вот!

Витька не понял.

— Перепилить трес. Дед Матвей стар. Ему не сделать этого. Придётся тебе, шкет. Завтра и начинай. Есть сведения, что немцы после двух часов работать не будут. Праздник у них какой-то. Вот и весь наказ. Действуй!

Черепанов привлёк Витьку к себе и потрепал по волосам.

Как всегда, часовый обыскал Витьку, но не нашёл ничего подозрительного. Витька скрылся в будке деда Матвея. Ровно в два часа немцы окончили работу и потопали к воротам.

— С богом! — сказал дед Матвей. — Начинай.

Он уселся на бревно возле самого ствола. Витька схватился обеими руками за трес и скользнул вниз. Уперев ногу во что-то твёрдое, он стал орудовать на-

и вечерних школах, вместе ходим в кино и ездим в театр в областной центр. Обсуждаем прочитанное. Помогаем друг другу. Недавно, например, построили дом Семёну Зыкову. Мы крепко дружим, и эта дружба помогает нам в работе...

После слёта я разыскал Виктора и потащил к себе.

— Рассказывай!

— Столько воды утекло с тех пор, — засмеялся Виктор, — что и за неделю не расскажешь. Шахта наша, вы уже знаете, названа в память о Пете. Значит, в какой-то мере сбылась наша мечта детства. Помните: шахта имени ВИП?

— Конечно, помню! А что случилось с Петиной матерью — с Галиной Тарасовой?

— Она партизанила. Сейчас работает парторгом шахты. Отец мой нашёлся. Начальником смены стал. Строгий — не подступись. Мать всё хозяйничает дома.

— А Черепанов?

— Дядя Коля погиб. Замучили его фашисты, а потом бросили в тот же шурф, что и Петю.

— А что с Горпиной Андреевой?

— Переехала к нам. Старая, говорит, стала. Хватит хозяйствовать. Буду внуков качать.

— Каких внуков?

— Да ведь женился я...

— На ком?

— На Глаше. Сын у нас. Борисом назвали... Да вы приезжайте лучше к нам! Журавлиху не узнать. Дворец культуры новый построили. Дворец пионеров. Много чего. Шахта разрослась. Лампы дневного света появились. Электровозы. Всего и не перечтёшь.

Виктор рассказал, что он был в партизанском отряде, пока Советская Армия не освободила Донбасс. Имел ранение. Награждён медалью «За отвагу». После освобождения окончил ремесленное училище, потом, уже работая в шахте, — техникум...

Мы тепло распрощались с Виктором Свиридовым. Договорились, что я приеду к нему, в гости этим же летом.

Я был рад, что песня о чёрном камне, запавшая в душу мальчишки из горняцкого посёлка, вывела его на широкую дорогу жизни.

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

НЕДАВНО в газетах было сообщение о том,

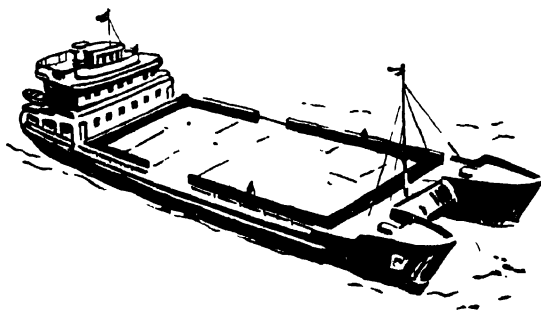
что в Горьком на заводе имени 40-й годовщины Октября спущено на воду необычное судно. Таких ещё нет нигде в мире. Это — катамаран. На таком судне можно перевозить значительно больше груза и с большей скоростью.

Что же такое катамаран и какова история его создания?

На азиатском побережье Индийского океана — пологие берега и сильный океанский прибой. Обычные лодки там совершенно непригодны. Они опрокидываются, разбиваются. Местные рыбаки однако приспособились. Они связывают несколько стволов деревьев, а центральный ствол —

самый толстый и длинный — заостряют спереди. Такие судёнышки называют там «катту-

пейцев, в частности, привлекли парусники, состоящие из двух или нескольких челнов, объединённых общей платформой. Судостроители в этих мно-

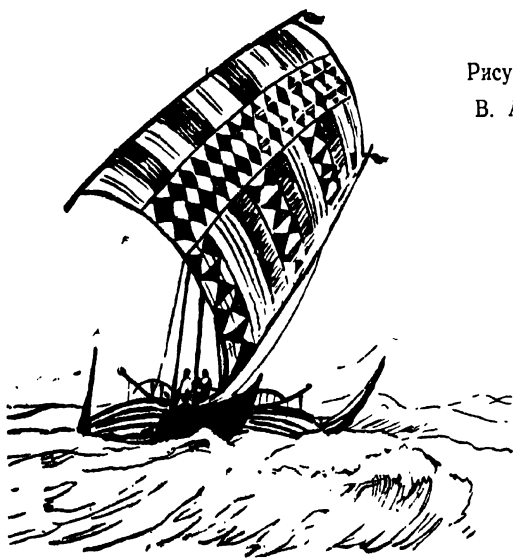

марам», что значит «связанная древесина». Услышав это слово, европейцы окрестили им все диковинные суда, встречающиеся в водах Индийского и Тихого океанов. А таких судов в океанах встречается много. Внимание евро-

гокорпусных судах-катамаранах увидели будущее техники судостроения.

До сих пор совершенствовались лишь однокорпусные суда. Увеличилась их мощность, скорость, грузоподъёмность. Форма же судна оставалась неизменной. Да и скорость увеличилась не намного. Даже у такого трансатлантического великана, как «Куин Элизабет», она равна лишь 55,6 километра в час. А это один из самых быстроходных пассажирских лайнеров.

Что же мешает увеличивать скорость? Сопротивление воды. Сопротивление, зависящее от формы корпуса и трения, судостроители научились преодолевать, удлиняя и заостряя судно, делая его поверхность гладкой, обтекае-

Рисунки

В. Адаева

мой. Но есть ещё один вид сопротивления — торможение из-за образования волн у носа судна. Быстроходные, удлинённые суда расходуют на них львиную долю своей энергии.

И вот профессор Горьковского института инженеров водного транспорта Михаил Яковлевич Алферьев заявил:

— Суда могут плавать со скоростью свыше 100 километров в час! Для этого их надо делать по типу катама-

ранов. Такие суда обладают удивительными свойствами — они испытывают гораздо меньшее сопротивление, чем обычные. Такое двухкорпусное судно при больших скоростях даже может совсем не образовывать волн.

По предложению М. Я. Алферьева и было построено в Горьком судно, о котором писали газеты. Это первое в мире двухкорпусное грузовое судно большой грузоподъёмности, мощностью 1080 лошадиных сил. Расчёты показыва-

ют, что оно сможет ходить со скоростью 30 километров в час. Сейчас начата постройка второго, уже пассажирского катамарана «Отдых» на 340 человек. Из-под карандаша конструкторов выходят эскизы плотовоза-катамарана, толкача-катамарана, парома-катамарана. Расчёты говорят, что применение катамаранов сэкономит государству многие десятки миллионов рублей.

У новых судов — большое будущее!

...что если извлечь из морских вод содержащуюся в них поваренную соль, то можно будет покрыть всю сушу 130-метровым слоем соли?

★

...что теперь можно произвести фотосъёмку в тёмной комнате при свете спички? Это стало возможным потому, что в ГДР на народном предприятии АГФА выпущена новая фотоплёнка «Агфа Изопан Рекорд», превосходящая по чувствительности любые

Знаешь ли ты?

негативные фотоматериалы, где-либо* и когда-либо выходявшие в продажу.

★

...как быстро растёт количество автомобилей? На 1 января 1955 года во всём мире их насчитывалось 85 миллионов. На 1 января 1958 года — уже 107,2 миллиона. Примерный расчёт показывает, что автомобильный парк может обеспечить одновременную перевозку миллиарда человек.

★

...что парусные суда совершали переход через Атлантический океан за 70

дней? Современному лайнеру на это надо три с половиной дня.

★

...что сейчас вырабатывается оконное стекло, которое в 20 раз крепче обычного? Для демонстрации прочности нового стекла на фабрике в Амстердаме, где изготавливается это стекло, на него с двухметровой высоты был сброшен стальной слиток в полтора килограмма. Слиток отскочил от стекла, не повредив его.

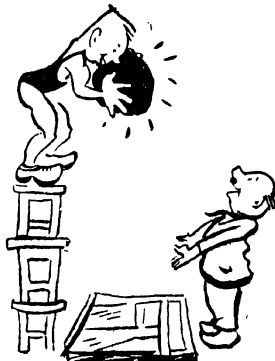
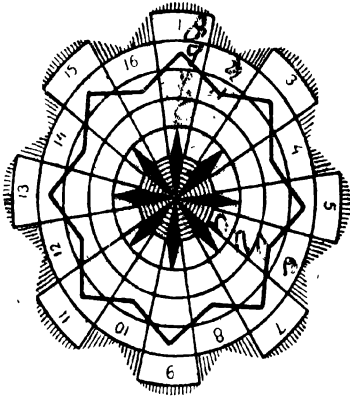

Рис. Г. Ясинского

ЗВЕЗДОЧКА

(Задача)

ВПИШИТЕ в радиальные ряды клеток шестнадцать слов (в каждом — четыре буквы), а затем проследите за ходом ломаной линии, образующей «звёздочку». Она поможет вам прочесть пословицу...

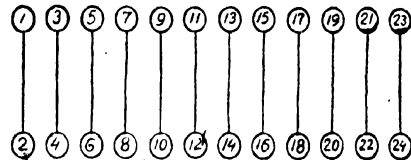

1. Спортивный снаряд. 2. Ученическая принадлежность. 3. Часть слова. 4. Площадка для игры в теннис. 5. Знамя, флаг. 6. Хищная ночная птица. 7. Самое крупное из современных наземных животных. 8. Мебель. 9. Возвышенность. 10. Крупный морской рак. 11. Правительственное постановление, имеющее силу закона. 12. Работа. 13. Отдельный снимок на киноленте. 14. Воспитательное учреждение для маленьких детей. 15. Вид атмосферных осадков. 16. Минеральное удобрение.

ДВЕНАДЦАТЬ ПАЛОЧЕК

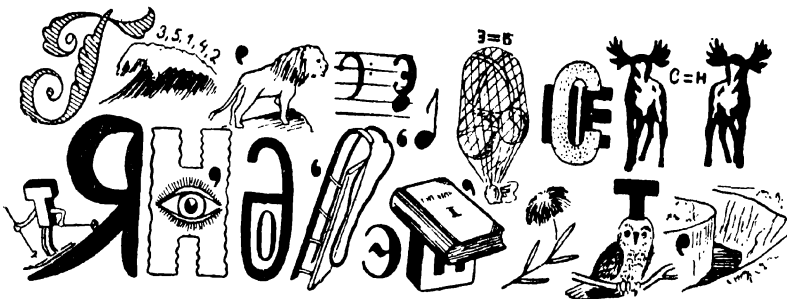
(Составил А. А. Цветков)

ВОТ двенадцать палочек и двадцать четыре числа, каждая палочка «связывает» вместе два числа. Требуется сложить из этих палочек каркас куба, что само по себе нетрудно — ведь куб имеет двенадцать рёбер. Но сложить куб надо так, чтобы сумма чисел, приходящихся на каждую грань, составляла одно и то

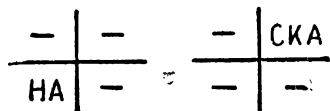
же число, а именно — 150. Совершенно очевидно, что на каждой грани вашего куба будет 12 чисел (3×4).

РЕБУС

Разгадав ребус, вы прочтёте слова В. Маяковского.

ЗАДАЧИ СЛОГОВ

ПОИЩИТЕ такие слоги, которые, будучи поставлены вместо чёрточек, образуют в каждой задаче четыре слова — два по горизонтали и два по вертикали.

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

(Составил Я. Алексеев)

ЧЕТВЕРО друзей собирали грибы. Один из них нашёл половину всех найденных грибов и ещё полгриба, другой — половину остальных грибов без полгриба. Третий нашёл половину остальных грибов без полгриба. Остальные шесть грибов нашёл четвёртый. Сколько грибов нашли все четверо?

НОВОГОДНЯЯ ЗАДАЧА

ПОДПИШИТЕ одно под другим, столбиком, одиннадцать слов, определения которых приводятся ниже, а затем прочтите сверху вниз сперва первые буквы всех слов, а затем последние. Что у вас получилось?

1. Точка пересечения поверхности Земли с воображаемой осью её вращения.

2. Водная оболочка, охватывающая земной шар и омывающая со всех сторон сушу.

3. «Благородный» металл.

4. Выдающийся артист советского цирка, работающий с животными.

5. Класс позвоночных.

6. Часть молекулы.

7. Легендарный русский крейсер.

8. Фасонная линейка для вычерчивания кривых линий.

9. Английская мера длины, равная трём футам.

10. Сплочённость, согласие, единодушие.

11. Прибор, отсчитывающий на слух равные промежутки времени.

«КТО Я?»

Мчалась я по рельсам звонким,
Состязалась с ветром в гонке,
Но в пути, не знаю где,
Потеряла букву Д...
Одну букву потеряла
И себя я не узнала —
Вмиг я стала эластичным,
И упругим, и практичным,
В деле, и в большом и в малом,
Очень нужным материалом!

В. ГРЯЗЕВ

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 11)

ЧАЙНВОРД «БУКВА О»

1. Отечество. 2. Озеро. 3. «Отелло». 4. Олово. 5. Овощеводство. 6. Облако. 7. Огниво. 8. Опахало. 9. Оленеводство. 10. Окно. 11. Обязательство. 12. Общество. 13. Отрочество. 14. Одеало.

ЧАЙНВОРД «ПЕЧАТЬ»

Левая страница. 1. Фёдоров. 2. «Ведомости». 3. «Искра». 4. Алигер. 5. Роман. 6. Новиков. 7. «Вперёд». 8. Драматург. 9. Горький.

Правая страница. 1. «Огонёк». 2. «Колокол». 3. Линотип. 4. «Пионер». 5. «Работница». 6. Альманах. 7. Хроника. 8. Алфавит. 9. «Труд».

РЕБУС-ЗАГАДКА

«Сама дубовая, а пояс ивовый» (бочка).

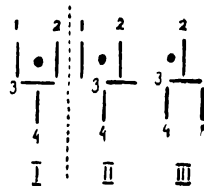
ЗАДАЧА «БУНВ»

1. Атос. 2. Хота. 3. Соха. 4. Сало. 5. Идол. 6. Дина.

В верхней горизонтали — «Сахалин».

УБЕРИТЕ МУХУ!..

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Перед встречей. Стихотворение В. Верховского и Г. Гоппе	1
Всех на ёлку мы ждём! Слова Н. Добржанской, музыка В. Витлина.	2
Незаменяемый Алик. Пьеса-шутка Ю. Сумина.	4
Во имя грядущих поколений. (К 60-летию со дня выхода первого номера Ленинской «Искры»).	10
Как велась переписка между редакцией и корреспондентами «Искры» Статья Г. М. Дейча.	11
Праздничное слово. Статья В. Торопыгина. (К 60-летию Александра Прокофьева).	16
Песенка. Игра. Курицы на улице. Стихи А. Прокофьева.	17
Мешок. Рассказ Александра Пунчёнка.	18
Ребятам-октябрятам. А. Цветов. Невыдуманные рассказы.	29
Враги. Стихотворение Людмилы Щипахиной.	32
Тимка. Рассказ С. Полетаева.	33
Помолодел. Стихотворение А. Шibaева.	38
Песня о чёрном камне. Окончание повести Иосифа Курлата.	39
Пёстрые заметки.	60
Клуб смекалистых ребят.	62

На первой странице обложки. — рисунок В. Сердюкова.
 На второй странице обложки — фотоочерк Г. Сафонова
 «Зимние забавы».
 На третьей странице обложки — фотоочерк Н. Карасёва
 «На родине великого сказочника».
 На четвёртой странице обложки — рисунок-загадка Г. Ясинского «Как Деду-Морозу выбраться из лабиринта?».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Смольный, 5-й подъезд. Тел. Ж 9-15-37.

Сдано в набор 14/XI. Подписано к печати 12/XII 1960 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. 5,34
 М-26950. Зак. 1708 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75000
 Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

На родине Великого сказочника

КАЖДЫЙ из вас читал сказки Ханса Христиана Андерсена. Сын простого сапожника из небольшого датского городка Оденсе, он навсегда обессмертил своё имя.

В новой городской ратуше на родине Андерсена установлена мемориальная доска, посвящённая великому датчанину. А дом, в котором он жил долгие годы, стал местом паломничества туристов всего мира.

На нижнем снимке вы видите дом-музей Андерсена в Оденсе, а **на верхнем** — скульптуру, установленную в одной из его комнат. Великий сказочник изображён со своими читательницами.

Текст и фото Н. Карасёва

Цена 1 рубль.

